

ДЕМОНИЧЕСКИЙ ЗАВЕТ

АРТУР АСТВУД АЛЫЙ

18+

Артур Алый

Демонический завет

<https://litres.ru/74610262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячи лет рай и ад жили войной. Ангелы и демоны знали друг друга только по ранам.

Но в Пустоте за краем мира проснулось то, что старше их обоих. Открываются порталы, целые легионы обращаются в камень, и впервые за всю историю творения Бог сам боится за судьбу мира.

Чтобы выжить, древним врагам придется встать под одно знамя. А вести их предстоит полукровке, которую не принимали ни люди, ни демоны...

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Несогрешивший демон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Артур Аствуд АЛЫЙ Демонический завет

Пролог

Люди с древних времен делят мир на черное и белое, свет и тьму, добро и зло. Верят в Бога и дьявола, в ангелов и демонов. Считают, что святое всегда во благо, а проклятое приносит только зло. Грешат этим не одни люди, но именно они держатся за такую картину крепче всех: так легче жить.

А что, если я скажу, что на свете есть добрые люди, ведущие к злу, и злые, идущие к добру? Безобразная красота и красивое уродство? Поверите ли вы в святое проклятье и проклятое благо?

Сочетание несочетаемого, скажете вы. Белое не может быть черным, а черное белым. Но что такое белое без черного?

Задумайтесь на минуту. Белым мы зовем то, что отражает почти весь упавший на него свет. Черным зовем то, что этот свет поглощает. Тогда в чем света больше: в белом, которое его оттолкнуло, или в черном, которое приняло и удержало?

Или звезды. Звезда светит, потому что сжигает себя. Черная дыра незаметна, потому что весь свет, какой до нее добрался, хранит в себе. Так где же света больше, в звезде или

в черной дыре?

Между добром и злом, звездами и черными дырами, ангелами и демонами, раем и адом лежит то, что мы зовем жизнью. И если я скажу, что свет — это тьма, а тьма — это свет, что начало есть конец, а конец есть начало, кто мне поверит?

Мне это понимание далось большой ценой.

Поэтому я, Мариэль, Верховный Генерал Объединенной Армии Рая и Ада, новоизбранный Сатана Преисподней, потомок ангелов, демонов и людей, хочу рассказать свою историю, чтобы ты, мой потомок, знал, какой ценой достигнут мир в земной жизни.

Глава первая.

Несогрешивший демон

*Коль черти в душе
гнездились – Значит, ангелы жили в
ней.*

С. А. Есенин

Карандаш шел по белому листу ежедневника. Сначала это была одна линия, потом набросок, а потом из штрихов стало проступать лицо. Аслан сидел на рабочем месте и рисовал от нечего делать: свою часть проекта он закончил и ждал, пока коллеги доделают свои.

Жил он как все. Не беден и не богат, не знаменит, работал усердно и ленился тоже усердно. От остальных его отличала разве что доброта, «милая простота», как говорили коллеги. Зайдешь к нему с просьбой, и он поможет, а не сможет сам, так подскажет, кто сможет. За это его в министерстве любили.

Внешне он тоже не выделялся. Разве что вечно растрепанные волосы, от которых девушки почему-то умилялись, да рубашки с высоким воротником, расстегнутые на верхние пуговицы даже под галстуком.

Работал Аслан в департаменте федерального министерства. Университет он закончил с отличием, причем дважды,

но то, чем приходилось заниматься здесь, с учебой имело мало общего, и смысл некоторых поручений ускользал от него до сих пор.

Рисовать он любил. Точнее, любил слушать, как остро заточенный грифель шуршит по шероховатой бумаге и понемногу скругляется. На столе у него всегда стоял органайзер, набитый карандашами. Рисунки выходили не профессиональные, зато всегда про то, что он хотел сказать. И всегда недорисованные: резко и подробно было только там, где, по мнению Аслана, находился смысл, а дальше линии расплывались, как фон на фотографии. Хотелось взять карандаш и закончить самому.

Рисовал он что придет в голову: героев книг, сериалов, игр, иногда персонажей собственной книги, которую все собирался написать. Сегодня это была девушка из сна. Впрочем, девушка ли? «Демонесса. На суккуба похожа», – подумал он.

– Вот же принципиальная бюрократка! – в кабинет, ругаясь, вернулся Анатолий, которого все звали Тошей.

– Что случилось, Тоша?

– С новым помощником замминистра имел честь познакомиться. Мне сегодня письмо в другое министерство отправлять за его подписью, а она уперлась в правила и затребовала миллион справок. Когда я их подготовлю?!

– Говорят, дама строгая. Директоров департаментов за мелкие ошибки отчитывает, а самой чуть за двадцать. Сам я

ее не видел, но народ ее невзлюбил.

– Думает, раз «мазаная», ей все можно, – буркнул Тоша и сел писать справки.

– Не волнуйся, система и ее сломает. Вспомни, какими приходили другие помощники. А теперь тихие, спокойные.

– О нет, помяни мое слово, она тут все вверх дном перевернет. Я таких знаю. Не успокоятся, пока все к чертям в правила не загонят.

Аслан улыбнулся, взял карандаш с ежедневником и пошел к двери.

– Я на пару минут.

В северном углу здания была винтовая лестница, которая вела в маленькую открытую беседку на крыше. Аслан ходил туда в пасмурные дни, когда народ сидел по кабинетам. Одиночество он не то чтобы любил. Просто иногда лучше побыть одному, раз уж никто на свете не поймет ни хода твоих мыслей, ни твоих внутренних демонов. Демонов у него хватало.

Он поднялся, открыл стеклянную дверь и шагнул внутрь. Ровно в эту секунду со скамьи у самого входа вставала девушка с черными волосами, в которых кое-где проглядывали пепельные пряди. Аслан споткнулся о ее ноги и растянулся посреди беседки, а она села обратно.

Она уже набрала воздуха, чтобы высказать все, что думает о людях, не глядящих под ноги. Но он успел сесть на полу, оттирая локти пиджака, поднял на нее лицо, и слова куда-то делись. А он посмотрел ей в глаза и сказал вслух то, что со-

бирался только подумать:

– Очень красивые глаза...

Покраснели оба.

– Простите, я вас не заметил, – заторопился Аслан. – А про глаза случайно, не подумайте ничего, я так не думаю...

– Он помолчал. – Ой.

– Хам! – выдавила девушка.

– Я совсем не то имел в виду!

Он покраснел еще сильнее, поднялся, нашел карандаш и стал оглядываться в поисках ежедневника.

– Это ищите?

Ежедневник лежал у ее ног, раскрытый как раз на последнем рисунке. Она подняла его, взглянула и перевела глаза на Аслана.

– Почему здесь я? Да еще в образе демона?

– Вы?! – Он схватил ежедневник и всмотрелся. – Действительно, похожа... Но это не вы! Я вас первый раз в жизни вижу, а это я рисовал сегодня в кабинете, по сну. Совпадение.

Девушка смотрела пристально. Аслан сел напротив, красный до ушей.

– Неловко вышло. Обычно в такие дни здесь пусто. Может, начнем знакомство сначала?

Не дожидаясь ответа, он встал, вышел на лестницу, закрыл за собой дверь, открыл ее и вошел снова.

– Здравствуйте! Простите, не думал, что здесь занято. Могу ли я нарушить ваше уединение и занять место вон в том

углу?

Лицо у нее было каменное. Секунду, не больше. Потом уголки губ поехали вверх, она попыталась удержать строгость, не удержала и расхохоталась. Аслан стоял посреди беседки и хохотал вместе с ней.

– Меня зовут Аслан, – сказал он сквозь смех.

Девушка выпрямила спину, сделала серьезное лицо, чуть склонила голову к плечу и подала руку так, как подавали ее аристократки в забытые имперские времена.

– Мариэль.

Аслан взял ее руку и поцеловал, как положено кавалеру. «Боже, какая кожа. Как бархат».

– Очень приятно. Можно на ты? Или принципиально на вы? – Он сел на свое место.

– Смешной ты... вы... Давай на ты. Можешь звать меня Мари. Хотя хамство с глазами я тебе не простила. Сделал комплимент, а потом «я так не думаю». Обидно, знаешь ли.

– Прости, я сам не понимал, что несу.

– И все же...

– Шоколадка загладит вину?

– Молочный, с изюмом и орехами. Тогда шансы на прощение есть.

– Куда занести? Сегодня же принесу.

– Давай после работы здесь же. А то коллеги решат, что подкатываешь.

Оба усмехнулись и стали смотреть в разные стороны.

– Можно взглянуть на рисунки?

– На мои? Да это так, от нечего делать... Совсем не интересно.

– Ну так можно?

Аслан протянул ей ежедневник, изрисованный почти до конца.

– Я никому не показывал. Кому интересны каракули серого клерка.

Мари листала. Герои Марвел, знаменитости, персонажи книг, которых она узнавала по одной детали. На одном развороте задержалась: на фоне звездного неба два силуэта, девушка и парень, смотрят в глубину космоса, а в самом верху небо будто рвут какие-то темные сущности. Внизу подпись: «Ад находится не на Земле, а в небесах».

– Лю Цысинь? «Вечная жизнь смерти»?

– Да! Читала?

– Читала. Всю трилогию.

– А мне больше всего нравится «Темный лес»!

– Выстрелишь первым или выстрелят в тебя. Жить в страхе и воевать, чтобы сохранить мир...

– Да. Глубокая штука.

– У тебя интересная манера. Учился где-то?

– Я? Нет, не до того было. Рисую, когда скучно. И манеры никакой, просто недорисованные каракули.

– Я серьезно. В этой недорисованности что-то есть. Как недосказанность, которая тянет.

– Спасибо, – покраснел Аслан.

– Ты такой стеснительный! Засмутился весь.

– Вовсе нет...

На пару минут стало тихо. Она разглядывала рисунки, он разглядывал ее.

«Какая же она красивая. Если бы я мог ее хоть чем-то заинтересовать... О чем я думаю? Опять на те же грабли. Оно мне надо?»

– А это кто? Они у тебя несколько раз попадаются, но я их не знаю.

– Биотики? Это из книги, которую я хочу написать и никак не начну.

– Биотики?

– Название рабочее. Биотика – это способность управлять темной энергией. Слово я украл из Mass Effect, так что придется менять.

– По картинкам мне уже любопытно. Расскажешь? Я не против стать первым слушателем.

– Слушателем?

– Почему нет? А понравится – помогу писать. Говорят, у меня неплохой слог.

– Писать?

– Ну да. Как насчет вечера? Заодно и шоколадку отдашь.

– Договорились! Ну-у, я пойду, работать пора.

Аслан вскочил, кивнул на прощание и выбежал из беседки.

– Стой, а ежедневник...

Он уже не слышал.

Мари еще посидела над рисунками. Дольше всего она смотрела на последний, на себя.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она, медленно встала и вышла.

* * *

Аслан сидел перед пустым монитором. «Кажется, я влюбился. Такие глаза... Влюбился? Что я несу. Я ей не буду интересен. Все, хватит».

– Странная она баба! – Тоша вернулся из очередного похода. – Я ее час с обеда ждал, чтобы уточнить по справкам. Она зашла, увидела меня, попросила письмо, подписала и отдала. И я теперь вообще не понимаю, делать мне эти справки или нет!

Аслан не услышал.

– Эй! Делать или нет?

– Как хочешь, Тоша.

До конца дня он вспоминал ее глаза. Темные, почти черные, с фиолетовым отливом. Зрачок был как черное солнце, а вокруг него по темно-синему небу завивались фиолетовые протуберанцы. «Нет, точно фиолетовые. Я читал, что такое бывает, только очень редко».

Мари в это время сидела в приемной и листала его ежедневник. Почти под каждым рисунком стояла цитата, и почти все эти книги она любила сама. На каждом персонаже,

где-нибудь на плече или на рукаве, прятался японский иероглиф: имя или прозвище.

Она так увлеклась, что не слышала, как ее зовет начальник. Он подошел сам.

– Ну и чем ты так занята, что ничего вокруг не замечаешь?

– Ой, простите! На рисунки засмотрелась.

– Можно? – Он аккуратно взял ежедневник, полистал. – Сама рисуешь?

– Нет, не умею. Случайно познакомилась с одним человеком.

– У него талант. И, я вижу, этот человек сумел растопить твое сердце?

– Растопить? – Мари покраснела и опустила глаза. – Вовсе нет. Он вообще не в моем вкусе.

– Ну хорошо, хорошо, не горячись. Распечатай мне, пожалуйста, утреннюю речь.

– Минутку. И можно я сегодня уйду вовремя? Из-за отчетов весь месяц тут ночую.

– Конечно. Только допиши тезисы к совещанию.

* * *

Рабочий день кончился, и Аслан, не задержавшись ни на секунду, пошел в беседку. Он боялся своих чувств и все равно нес их с собой по винтовой лестнице. А вдруг не придет? А если придет, что делать? А вдруг она просто играет?

В беседке никого не было. Ветер шевелил цветы по краям. Аслан сел в свой любимый угол.

– Может, опаздывает.

Прошла минута. Пять. Десять. Пятнадцать.

– Ну конечно. – Он крутил в пальцах карандаш. – Как я мог опять наступить на те же грабли?

Однажды им уже играли, и с тех пор он держал сердце на замке. Но эти глаза прошли сквозь замок, как будто его и не было. Аслан встал. Внутри было пусто.

– На минуту понадеялся, что нашел человека, с которым можно разделить весь мир. Какой же я глупый, – прошептал он, поднял рюкзак, глянул на заходящее солнце и пошел к выходу.

Он взялся за ручку, и тут дверь распахнулась сама. В беседку влетела Мари и на полной скорости врезалась в него. Аслан еле устоял.

– Прости! – Она задыхалась, видно, бежала всю лестницу. – Прости! Спасибо, что дождался! Я так боялась, что ты уйдешь. Шеф попросил закончить одно дело, еле успела.

Он улыбнулся, отвернулся и отошел к дальней скамейке. Но грусть в его глазах она разглядеть успела.

– На минуту подумал, что не придешь.

– Я всегда держу слово.

– Я тоже. Держи. – Он протянул ей плитку. – Молочный, с изюмом и орехами. И булочек захватил.

– Ты прямо как знал. Чувствую, вечер будет хорошим.

– Вечер?

– А ты что, спешишь? Я надеялась, посидим, поболтаем.

– А-а... ну... не спешу вроде.

– Ура! Садись. Я подготовилась. Кстати, держи, случайно утащила с собой.

– Мой ежедневник! Я даже не заметил, что посеял его.

– Это не все. Откроешь? – Она достала из пакета бутылку вина и штопор.

– Вино? Ты серьезно?

– Пятница ведь. Под приятные разговоры самое то. И знакомство запомнится.

Сказала и сама себе удивилась. С людьми она обычно держалась холодно, с парнями особенно, и смотрела на всех немного свысока. А тут впервые в жизни ей хотелось с кем-то подружиться. Поймав себя на этой мысли, Мари прикусила губу.

– Да уж, такое знакомство не забудешь.

Он открыл бутылку и разлил вино в два пластиковых стаканчика, которые она тоже принесла. Сели друг напротив друга. Заговорить первым никто не решался, и они смотрели на закат. Аслан то и дело отрывался от солнца и смотрел ей в глаза.

– Глаза, – сказала Мари.

Он испуганно уставился обратно на закат.

– Что?

– Ты сказал, что у меня красивые глаза. Мне так никто никогда не говорил. Обычно всех отталкивает их цвет. Чем они тебя привлекли?

Аслан долго смотрел в стаканчик.

– Они необычные. Темно-синие с фиолетовым. А еще...

Неужели правда никто не замечал?

– Никто. А еще?

– Не знаю, как объяснить. Они как картина. Представь белый-белый холст. На нем звездное небо, уместившееся в один круг. Даже не небо, а вся вселенная в одном круге. А по центру черное солнце с темно-фиолетовыми протуберанцами.

– Черное солнце? Такое бывает?

– Конечно нет. Но ты представь. И еще мне показалось, я увидел в них кое-что до боли знакомое.

– Что?

– Одиночество.

Мари задумалась.

– Вокруг меня полно людей. Как я могу быть одинокой?

– Можно быть одиноким и среди тех, кто тебя любит, если нет ни одного, кто понял бы твою душу.

Она допила и протянула ему стаканчик. Он налил.

– А ты? Разве ты не одинок?

– Думаю, да. У меня много внутренних демонов, а человека, который бы меня понял, нет.

– Демонов, – усмехнулась Мари. – Веришь в демонов?

– Как в существ или как в состояние человека?

– Как в существ.

– Сложно верить в то, чего не видел. Сердцем я верю в

Бога, а значит, принимаю и демонов. А головой понимаю, что ничего из этого не доказано.

Мари снова допила и снова протянула стаканчик.

– И с какими ты борешься?

– Лень, гордыня, ненависть и любовь.

– Первые три понятно. Но любовь? Это вроде не демоническое.

– Думаешь? Мне кажется, ненависть и любовь ходят рука об руку.

Он замолчал и смотрел на уходящее солнце. Мари видела, что он сейчас не здесь.

– О чем задумался?

– Вспомнил одного родственника. Которого люблю и ненавижу одновременно.

– Так бывает?

– Как видишь.

– А про ангелов что думаешь?

– Ничего. Но если они есть, надо бы поблагодарить моих за тяжкий труд.

– Настолько невезучий?

– До жути! Но не унываю. Вроде.

– По-твоему, все демоны плохие?

– Не знаю. Все говорят, что да. А ведь когда-то они были ангелами.

– Люцифер. Светоносец, сын зари, обвинитель на божьем суде и генерал армии Неба. И что-то заставило его пойти

против Отца.

– Любишь религиоведение?

– Увлекалась. Перечитала священные книги всех религий, и в каждой есть падение ангелов. Одного не пойму: как любимый сын мог пойти против отца?

– По-моему, все просто. Гордость и любовь. Он любил так, что возненавидел, а гордость помешала ему это понять.

– Думаешь, так просто?

– Предполагаю. Любовь странная штука. Может дать крылья, а может и обрезать. Может помочь дойти до цели, а может ослепить. Самый странный подарок Творца миру. И без него никак.

– Странный ты.

– Чем?

– Все люди четко делят мир на добро и зло, на ангелов и демонов. А ты как будто посередине.

– Между белым и черным уйма оттенков. Хочется разглядеть все.

Мари допила третий стаканчик и протянула ему. Он забрал его и убрал в сторону.

– Пока хватит. Ты уже слегка пьяна.

– Заботишься обо мне?

Аслан улыбнулся, запрокинул голову и уставился в крышу беседки. С минуту оба молчали. Потом Мари встала, пересела к нему, прижалась к его руке и положила голову ему на плечо.

– Немного погреюсь.

Он покраснел и обрадовался, что она этого не видит. Свободной рукой дотянулся до кардигана и накинул ей на плечи.

– Спасибо. Интересно, если бы я была демоном, то каким?

– Каким?

– Ну да. Они же делятся на ранги, специализации.

– Хм. Хороший вопрос. Думаю, суккубом.

– Почему?

– Слишком красива.

Она толкнула его плечом.

– Хорошо, что ты меня сейчас не видишь. Нельзя же так в лоб.

– Прости, я не умею делать комплименты. Согрелась?

– Да, кардиган теплый. Но вино согрело бы лучше.

– Тебе уже достаточно. А мерзнешь ты, потому что сидим без движения.

– Тогда потанцуем?

Мари встала и сделала реверанс.

– Или осмелишься отказать даме?

– Танцор из меня так себе. Но медленный, наверное, осилю.

Он обнял ее и стал неуклюже переступать с ноги на ногу. Мари положила голову ему на плечо и начала напевать что-то тихое, без слов. Минуту никто ничего не говорил.

– Красивая песня.

– Мне ее мама пела, когда было страшно. Говорила, что

так сирены успокаивали морских чудищ.

– А разве сирены не заманивали моряков на смерть?

– По маминым легендам они так защищали дома и детей. Люди охотились на их выводки ради наживы, вот сирены и придумали, как обороняться. Но это только легенды.

– Ясно...

– Суккуб, значит, – усмехнулась Мари.

– Обиделась?

– Наоборот, развеселилась. Просто представила, что бы ты сделал, окажись это правдой.

– Не знаю. Демонов вроде положено бояться. Наверное, побоялся бы.

Мари прижалась к нему сильнее.

– Мне холодно. Проводишь до дома?

– Конечно.

Жила она недалеко от министерства. По пути они остановились в маленьком парке со странными скульптурами и допили вино. К своему подъезду Мари подошла уже очень веселая и все порывалась сходить в магазин за второй бутылкой. Аслан еле уговорил ее подняться и открыть дверь. В квартире он кое-как уложил ее, накрыл одеялом, а сам лег на диване в гостиной.

– Странный вечер, – прошептал он и заснул.

* * *

– Буря грядет, – раздался шепот.

Мари стояла одна на вершине холма посреди равнины.

Алое небо затягивали темные тучи, ветер гнал волны по высокой траве. Вокруг мелькали тени и шептали что-то на незнакомом языке.

– Они нашли путь, – снова сказал голос. Он шел будто с самого неба.

– Нашли путь... сюда... надо бежать... – отозвались тени.

Перед Мари ударила молния. Земля пошла трещинами и провалилась, и Мари с криком полетела вниз, как из самолета. Через секунду она снова стояла на холме, только небо стало бурым, его рвали разряды, и в их свете двигались тени огромных небесных существ. А вокруг холма горами лежали трупы. Люди, звери и существа, которым она не знала названия.

– Он все это натворил, – прошептал голос.

Один из лежавших у ее ног схватил ее за щиколотку и на последнем дыхании выкрикнул:

– Останови его!..

– Тебе нужна сила.

Грохнуло, и Мари оказалась на прежней поляне, без трупов.

– Доверься мне.

На небе появилось черное солнце. Корона его светилась еле заметным белым, а лучи были темно-фиолетовые.

– Прими силу. Ты сможешь?

Мари нерешительно протянула к нему руку.

– Ты сможешь принять себя?

На диске солнца проступило ее собственное лицо: глаза горят темно-фиолетовым, на губах ухмылка, от которой ей стало страшно.

Она проснулась и рывком села на кровати.

– Это сон, – сказала она себе, тяжело дыша. – Это только сон.

Пахло кофе и блинами. «Откуда?» Она вспомнила вчерашнее: как Аслан провожал ее, как они допивали вино в парке. Дальше ничего. Даже как оказалась в постели.

Мари встала и обнаружила, что из одежды на ней одна рубашка. Рубашка Аслана.

– Что? Почему она на мне?

Она поспешила на кухню.

У плиты стоял Аслан в ее банном халате поверх джинсов. Он что-то напевал, подкидывал блин на сковородке, приглядывал за кофе и при этом пританцовывал. Танец был совершенно нелепый и почему-то очень милый. Мари прислонилась к косяку и смотрела. Заметил он ее минуты через две.

– О, доброе утро! А я тут решил вкуснятины приготовить.

– Вижу. Пахнет очень вкусно. – Она поправила волосы. – Я сильно вчера буянила?

– Буянила? Не то слово. Не думал, что можно так опьянеть с одной бутылки.

Мари закрыла лицо руками.

– А рубашка? – спросила она еле слышно. – Как она на мне оказалась?

– А сама не помнишь?

Она помотала головой.

– Ну, если вкратце, ты была довольно горяча прошлой ночью. Мне все очень понравилось.

Мари стояла красная и смотрела на него круглыми глазами. Аслан выдержал секунды три и расхохотался.

– Видела бы ты свое лицо! Успокойся, ничего не было. Ты вцепилась в меня и требовала подарить тебе рубашку, потому что жить без нее не можешь. Потом заплакала и отказалась ложиться. Я отдал рубашку, ты выгнала меня из комнаты и легла в ней спать.

– Ах ты лгун!

Она влетела на кухню и зачерпнула обеими ладонями тесто из миски.

– Не смей!

Он отскочил от стола, но убежать не успел. Тесто оказалось у него на лице.

– Вот тебе! Получай, гнусный лгун!

Чтобы не упасть, Аслан машинально обхватил ее за талию. Стало тихо.

– Знаешь, в любой другой ситуации я бы поцеловал девушку, которая стоит так близко. Ну, если бы на лице не было теста.

Мари улыбнулась, прикрыла ему губы ладонью и поцеловала тыльную сторону собственной руки.

– Считай, что поцеловал.

Она оттолкнула его и схватила блин.

– Так нечестно!

Аслан взмахнул рукой, ловя равновесие, задел чашку, и та разлетелась по полу.

– Прости, не хотел...

– Да ничего, на счастье! Сейчас уберу. – Мари жевала блин. – Вкуснота!

– Я сам.

Он стал собирать осколки и порезал палец. Выступила кровь.

Мари замерла. Она смотрела на его палец и кусала нижнюю губу. Потом задышала часто и тяжело и резко отвернулась.

– Ты чего? Царапина же.

– Прости, я... Я не переношу вид крови. Мне дурно. Перевяжи без меня и вытри, ладно? Аптечка в шкафчике за холодильником, – выпалила она и выбежала.

Аслан пожал плечами, заклеил палец и протер пол так, чтобы не осталось ни пятнышка.

Через несколько минут Мари вернулась одетая, украшенная и с его рубашкой в руках.

– Держи. Прости за это. Я правда очень боюсь крови.

– Ура, моя рубашка! Давай за стол.

Завтрак растянулся на полчаса.

– Ты очень вкусно готовишь.

– Да я почти не умею. Блины и еще пара простых вещей.

– Мне бы и блинов по утрам хватило. – Мари встала
убрать чашки.

– Буду в гостях еще раз – сделаю. Для друзей мне не в лом.

– Для друзей? – тихо повторила она и подошла к окну.

– Да. А что?

Мари подняла воротник и сказала, глядя на улицу:

– У меня за всю жизнь не было друзей.

– Ни одного?

Аслан встал рядом и по-дружески притянул ее за плечи.

– Тогда я буду первым. Уж дружить-то я умею.

– Тебе даже не интересно почему?

– Любопытно. Но зачем мне прошлое, если я вижу настоящее?

– Если вкратце, меня с детства считали монстром. В садике дразнили из-за глаз, и я многих побила. После этого меня обходили стороной до конца школы. А в университете один парень оказался слишком настойчивым. Пришлось врезать как следует.

– Из-за глаз? По мне, у тебя самые красивые глаза на свете. Я читал, что таких людей очень мало. Это вроде бы называют «генезис Александрии», есть такая легенда с четырнадцатого века. Я думал, сказка, пока тебя не увидел.

– Почитаю. С тобой приятно разговаривать.

– Да? А мне говорили, что я неинтересный.

– Убей того, кто это сказал.

Аслан рассмеялся.

– Ладно, погостил, пора и честь знать. Пойду домой.

– Домой?

Мари прижалась к его плечу.

– В понедельник я опять стану офисным планктоном. Пожалуйста, дай мне на этих выходных побыть человеком. Проведи их со мной, как мой новый друг. Я никогда никого ни о чем таком не просила.

Аслан помолчал и улыбнулся.

– С условием. Идем по магазинам, мне нужны штаны и пара рубашек. А потом за конфетами!

– Ой, это я только за! Папа без меня одежду вообще не покупает. Можешь на меня положиться.

Весь день они ходили по торговому центру. Вкус у Мари действительно был, и продавцы сказали ей об этом раза три.

– Ну как тебе обновки? – спросила она на выходе, доедая мороженое.

– Сам бы я такое точно не выбрал. Даже не знал, что моя красота может стать еще краше.

– А ты очень скромный парень!

Она засмеялась, пошла к дверям и вдруг встала как вкопанная. Перед ней стоял статный пожилой мужчина.

– Мое почтение. – Он снял шляпу и кивнул.

– Ты? – Мари даже не пыталась скрыть, насколько ему не рада.

– Здравствуйте! – подошел Аслан. – Вы знакомы с Мари?

– Доброго дня, юноша. В некотором роде. Я этой особе

вроде как двоюродный дедушка.

– Аслан, подождешь меня у выхода?

Он ничего не понял, но попрощался и отошел.

– Что тебе надо? – Голос у Мари стал холодный.

– Поверь, дитя, я не со злом. Хотел напомнить тебе, кто ты. Ты ведь не забыла?

– Такое забудешь. Лучше бы я родилась прокаженной.

– Чего ж ты так строга к себе?

– Лекции читать пришел?

– Какой голодный взгляд... Эти глаза. Дар или проклятье, время покажет. Ладно, я о другом. Странное что-то надвигается, а что, не пойму. Сама понимаешь где это тоже чувствуют. Вот и решил зайти, предупредить любимую внучку. От греха подальше.

– «От греха подальше». Смешно.

– Паренек с тобой. Кто это?

– Тебя не касается. И думать о нем не смей. Если с ним что-то случится, ты от меня нигде на свете не спрячешься.

– Дело твое. Но что-то странное я в нем чувствую.

– Ты закончил? Тогда сгинь.

– Строга и своенравна, как мать. А ведь из всех остальных я один хочу помочь вам обеим. Мое почтение.

Старик приподнял шляпу и пошел дальше.

В парке они сели на скамейку.

– Может, я лезу не в свое дело. Кто это был? Ты после него сама не своя.

– Родственник. С маминой стороны. Мама вышла за отца против воли семьи, и с тех пор ни ее, ни меня там не существует. Только этот иногда навещается, спрашивает о здоровье.

– Прости, не знал.

– Ты многого обо мне не знаешь. Боюсь, когда узнаешь, постарайся забыть даже имя.

– Такие глаза не забудешь. Я ведь тебя...

– Не продолжай. Я понимаю, что ты хочешь сказать, но не сейчас. Дай мне сначала раскрыть свои тайны. Потом.

Глаза у нее были мокрые.

– Может, мне на сегодня уйти?

– Что ты. Ты обещал научить меня шахматам. И про книгу твою мы не поговорили.

* * *

Вечером они пили вино, играли в шахматы и обсуждали его биотиков. Правила Мари поняла подозрительно быстро, а через час уже строила комбинации, до которых Аслан додумывался не сразу. Несколько партий она выиграла. Решающую проиграла, и вино тут сыграло не последнюю роль.

Потом она стала засыпать прямо на диване. Аслан отнес ее в комнату, уложил, накрыл и убрал волосы с ее лица. Хотел уйти, но она прижала его ладонь к своей щеке.

– Спасибо, – сказала она, не открывая глаз. – Я не понимала, что значит дружить. Кажется, за эти два дня поняла.

И поцеловала его запястье.

– Перестань, щекотно.

– Смутила? Жалко, глаза не открываются. Ты, наверное, весь красный.

– Вовсе не красный. Спи давай.

Он высвободил руку и пошел к двери.

– Аслан.

– Да?

– Я ужасна.

– Почему? По мне, ты очень даже симпатичная.

– Я не про внешность. – Она усмехнулась и завернулась в одеяло. – За этой милой личиной сидит монстр, рожденный уничтожать. Когда-нибудь он вырвется. Тебе бы лучше меня бросить. Да... забудь меня...

Она уснула.

– Странная ты.

Аслан выключил свет, прибрался и лег на диване.

Разбудил его стук: кто-то уронил шахматы. Он приоткрыл глаза и увидел, как девушка, сидя на корточках, собирает фигуры.

– Мари, ты проснулась?

– Нет, она еще спит.

– Ясно...

Через секунду до него дошло. Он вскочил. Перед ним стояла женщина с прямой спиной и плавными, точными движениями. По одной ее осанке было понятно, что перед этой женщиной обычно встают.

– Я мать Мариэль. Меня зовут Розалин. А вы кто, молодой человек?

– Ой. Простите. – Аслан нашел рубашку и стал надевать ее, не попадая в рукава. – Меня зовут Аслан, я работаю вместе с Мари... с Мариэль. Простите за мой вид. Ничего из того, о чем вы могли подумать, не было.

– Я нашла пять пустых бутылок, виноград, сыр, остаток багета, шахматы и гору фантиков. Полагаю, вчера вы с моей дочерью играли в шахматы, чему я, признаюсь, удивлена: мне привить ей любовь к этой игре не удалось. Она изрядно выпила. Вы уложили ее, прибрались, причем аккуратно, приготовили с вечера продукты на завтрак, допили свой бокал, поставили его у изголовья и легли спать с мыслью, что вечер вышел приятным и культурным. Я ничего не упустила, Аслан?

– Все так и было. А вы давно здесь?

– Недавно. У меня к вам тоже есть вопросы, но сначала вы, думаю, хотите умыться. Жду на кухне.

В ванной Аслан посмотрел в зеркало.

– Не так я представлял знакомство с ее родней. Ладно. Главное, не ударить в грязь лицом.

Розалин стояла у окна с чашкой чая, спиной к двери.

– Я и вам налила. Без сахара, не знала, сколько кладете.

– Спасибо, миссис Розалин.

– Миссис?

– Простите. Я долго перебирал, как по-русски вежливо

обратиться к женщине. «Сударыня» звучит как насмешка, «госпожа» как-то слишком. Ничего лучше английского не нашел. Не хотел обидеть.

– Напротив, польщена. Зовите меня просто Розалин.

– А вы меня, пожалуйста, на ты. Там, где я вырос, старший говорит младшему «вы», только когда тот это заслужил. Я пока не заслужил.

– Занятый вы человек, Аслан. Кажется, я понимаю, почему дочь подпустила вас так близко. – Она по-прежнему смотрела в окно. – Раз просишь... Судя по заготовкам, ты собирался печь блины?

– Да. Как вчера.

– Вчера?

– Ой... Да, я тут с вечера пятницы. Но уверяю вас, мы просто разговаривали, ходили по магазинам и играли в шахматы. Ничего за гранью приличия.

– Верю, не оправдывайся так ярко. Блины моя дочь действительно любит. Но с начинкой ты не угадал: мед она на дух не переносит.

– Правда? – огорчился Аслан. – А вчера она ела с аппетитом. Я всю стопку медом полил.

– С медом и съела?

Розалин наконец обернулась. Она улыбалась, и видно было, что удивлена.

– Больше половины. Еще сказала, что я вкусно готовлю. Наверное, не хотела обидеть.

– Думаю, дело в другом. Когда для тебя готовит человек, который тебе дорог, еда вкуснее, чем в любом ресторане.

– А какую начинку она любит?

– Несладкий творог с солеными огурцами.

– Необычно...

– Значит, сегодня попробуешь. Позволишь приготовить вместе с тобой? Творог вы купили, а огурцы на балконе, я привожу ей соленья раз в пару месяцев.

* * *

Мари проснулась от запаха блинов.

– Аслан, – улыбнулась она, еще не открыв глаз. – Вот бы всегда так просыпаться.

Она вскочила, оделась, умылась и влетела на кухню.

– Снова блинчики! Ты меня ба-а-алуешь... Мама?

– Доброе утро, дочь. Решила заглянуть, провести. Заодно познакомилась с Асланом.

– Ты же говорила, что на этой неделе занята.

– Планы поменялись. Аслан рассказывал о себе. Ты знала, что в детстве он мечтал дрессировать дельфинов?

– Дельфинов? – Мари села за стол.

– Именно. Давно вы общаетесь? Почему я о нем не знаю?

– Мы познакомились в эту пятницу.

– В пятницу. И он уже две ночи ночует у тебя.

– Все в рамках приличия, мама.

– Верю, мы это уже обсудили. Аслан, поставь, пожалуйста, чай нам и кофе для Мари.

Только за столом Аслан смог как следует ее рассмотреть. До этого он то глаза прятал, то она стояла спиной. Мари была похожа на мать как две капли воды. Кроме глаз. У Розалин они были черные, чернее самой темной ночи, и зрачок от радужки отделяла только тоненькая белесая полоска, которую не сразу и заметишь.

– Миссис Розалин, не сочтите за грубость. Можно спросить?

– Миссис? – подняла брови Мари.

– А как еще? Не сударыней же звать!

– Никогда об этом не задумывалась, – усмехнулась Мари.

– Так какой вопрос?

– У вас в семье у всех такие глаза? У Мари фиолетовые, у вас совсем черные.

– Только у нас с дочерью. Остальные кареглазые. Как медик могу сказать, что у Мари проявились редкие рецессивные гены, а у меня просто избыток меланина.

– М-м, блины с творогом и огурцами?

– Да. Твоя мама сказала, что ты не любишь мед. А я вчера...

– А мне было очень вкусно. Я вчера первый раз в жизни ела мед.

После завтрака Аслан посидел еще немного, придумал срочные семейные дела и стал собираться.

– Ты обещал научить меня фишкам в шахматах!

– И научу. Но не сегодня.

– Отпусти парня, Мари. У него дела. Да и нам есть что обсудить.

– Увидимся завтра на работе. – Аслан протянул Мари руку.

– Предатель, – сказала она с обидой и пожала ее.

– До новых встреч, миссис Розалин.

– Просто Розалин. До свидания, Аслан.

Дверь закрылась. Розалин вернулась на кухню, взяла свою чашку и встала у окна. Мари нехотя пришла следом.

– Влюбилась?

– А какая разница...

– Стоит ли мне напоминать?

– Могла бы дослушать. Какая разница, если нам все равно не быть вместе. Не волнуйся, про кровь, которая во мне течет, я не забуду, даже если захочу.

Мари пошла к двери. Глаза у нее были мокрые.

– Мариэль Александровна.

Так мать называла ее в детстве, когда шалости заходили слишком далеко. Мари застыла в дверях.

– Сядь.

Она села. Розалин так и стояла к ней спиной, но у Мари по коже побежали мурашки.

– Соизволь не язвить и дослушать. Как же с тобой сложно! Неужели и я была такой в твои годы? Так вот. Я одобряю твой выбор.

– Одобряешь?

– Ты не ослышалась. Я хочу только одного: чтобы ты не шла по моим стопам. Мне в свое время не хватило духа рассказать твоему отцу. Расскажи ему. – Она поставила чашку и пошла в прихожую. На пороге кухни остановилась. – Иногда мне жаль, что ты пошла в меня, а не в отца. Ты такой жизни не заслужила.

Розалин надела пальто.

– Мама, стой. Вчера старик приходил.

– Знаю. Ко мне тоже. Видимо, опять интриги его брата, твоего деда. Нам до них дела нет, мы давно не часть семьи.

* * *

В понедельник Аслан читал отчеты других ведомств, чтобы собрать из них один большой, и не понимал ни строчки. Он думал о Мари.

– Дружище, меня эта рутина доконала, – заныл Тоша за соседним столом. – Давай кофе. Да и ты какой-то вареный.

– Давай. Я всю ночь не спал.

Тоша включил чайник, взял с подоконника плюшевого крокодила и запустил им в Аслана.

– А почему не спалось? Неужто нашлась та самая, что проникла в твои мысли и овладела ими? Дай угадаю: и чувства твои безответны! О любовь, ты так жестока!

Аслан засмеялся и кинул крокодила обратно.

– Балбес ты неисправимый. Просто не мог уснуть.

– Ладно, ладно. Слушай, может, на выходных соберем наших в бильярд? Сто лет не виделись.

– Я не против. Я бы даже позвал еще одного человека.

– Неужто ту самую неразделенную любовь?

В Тошу полетел карандаш.

– О, я сражен! Скорую мне, скорую!

– Какой же ты ребенок.

В дверь постучали.

– Всем привет! – вошла Мари.

– Привет! – Аслан очень старался не сиять. – Какими судьбами?

– Входящие принесла. У вас с неким Анатолием Васильевичем их больше, чем у всех.

– Еще бы, мы больше всех работаем с обращениями. А Анатолий Васильевич вот он. Тоша, это Мари. Мари, это Тоша. Мари у нас секретарь в приемной.

– Очень приятно. Мариэль, можно просто Мари. – Она протянула руку.

– Тоша... Секретарь?

– Да! – Мари быстро повернулась к Аслану. – Слушай, сможешь? Надо из сто второго бумагу поднять в приемную, я столько не утащу. Сгоняешь? А я тут посижу, спрячусь от работы.

– Без проблем.

Аслан вышел. Мари убедилась, что дверь закрыта.

– Анатолий...

– Секретарь? Зачем вы его обманули? Вы же целый помощник заместителя министра!

- Не хочу, чтобы он знал мою должность. Это лишнее.
 - Вы же понимаете, что он узнает.
 - Думаешь, он бы подошел ко мне, зная, что я на несколько ступеней выше? И давай на ты. Похоже, нам предстоит дружить.
 - Птица не его полета, значит. Тогда он и фамилии твоей не знает. И чья ты дочь.
 - Именно. Не говори ему, пожалуйста.
 - С чего мне обманывать друга?
 - Это не обман. Ты просто не расскажешь то, что знаешь.
- Прошу.
- В пятницу ты была куда строже и стервознее. А теперь просишь?
 - Сочту за комплимент.
 - Я все никак не пойму, зачем тебе это.
 - Не прикидывайся, ты все понял.
 - Может, и понял. Но хочу услышать.
 - Я не буду повторять.
 - Ну а я не буду обманывать друга.
 - Это не обман! Ы-ы-ы! Какие же вы, парни, упертые!
 - Ты влюбилась?
 - Влюбилась? Нет, конечно. Нет... Не знаю. Но ты знаешь, кто я. Со мной никто никогда не разговаривал просто так. Всем что-то нужно: деньги отца, его положение, моя должность. А он ничего этого не видит. Ему интересна я.
 - Богата и в тени отца... Теперь понятно, почему ты такая

стерва.

– Сочту за комплимент, сказала же.

– Прости, не хотел обидеть.

– Так мы договорились?

– С одним условием.

– Каким?

– Не играй с ним. Я его давно знаю. Он добрый не потому, что его от жизни берегли. Ты не представляешь, сколько раз она его ломала. Я не хочу еще раз смотреть, как он закрывается и переживает чье-то предательство. Не давай ему ложных надежд.

– Хорошо. Договорились.

– Я вернулся! – Запыхавшийся Аслан открыл дверь. – Бумага у тебя в приемной.

– Спасибо! Ты не против, что я на твоём месте сижу?

– Не-а. Мы как раз кофе собирались пить.

– А у меня есть сладости, могу принести.

– Сиди уже, свои есть, – сказал Тоша, доставая третью чашку. – Сколько сахара?

– Четыре кубика, пожалуйста.

– Четыре? И сладости сверху? Почему ты еще такая худая?

– Завидуете, Анатолий?

– С чего бы, мне мой животик нравится. Аслан, я тут подумал: может, позовем Мари в бильярд с нашими?

– Тоша, я ее и хотел позвать!

– А кто такие «наши»?

– Друзья. С кем учились, с кем раньше работали. Раз в месяц собираемся, играем, пьем, танцуем. И вспоминаем, в какие передрыги влипал наш Аслан. Его пятая точка без приключений жить не может. Вот, например...

– Тоша-а-а! Ты серьезно?

– А я виноват, что с тобой вечно такое случается? Так вот, Мари!

Минут десять Тоша рассказывал. Аслан то краснел, то бледнел.

– Ладно, с вами хорошо, но мне работать пора. Так насмеялась, что скулы сводит.

– Заходи почаще, я про этого непоседу столько знаю!

Мари ушла. Аслан сел на свое место и уставился в монитор с улыбкой.

– Она с тобой мила. Только ты не спеши раскрываться. Красивые девушки часто играют ради самолюбия.

– Тоша, она просто друг.

– Да-да. Мы оба знаем, что для тебя это не так. Я просто хочу помочь.

– Спасибо.

На клавиатуре был приклеен стикер. Аслан точно помнил, что утром снял все, да и ручкой он не писал никогда, только карандашом. А тут ручкой: «Буду ждать после работы (в 19.00) у второго входа. Проводишь меня?»

Этого хватило до самого вечера.

По дороге он рассказывал ей про каждый памятник и каждый дом с историей, а она выпрашивала, что он думает о мире и о жизни вообще.

– Спасибо, что проводил.

– Не за что.

– Поднимешься? Чаем напою.

– Не сегодня. Дома дел полно.

Мари поднялась к себе, открыла дверь и сразу почувствовала, что в квартире кто-то есть. Поставила сумку и пошла на кухню. За столом сидел коренастый мужчина с аккуратно подстриженной щетиной.

– Прошу, не включай свет. Ты же знаешь, глазам тяжело.

– С чего это все родственнички решили со мной повидаться? – Мари сняла пальто.

– Могу я просто навестить племянницу?

– Знаю я ваше отродье. К тому же ты в так называемой семье приемный. Названный дядя. – Она налила себе воды.

– Твои слова ранят мне душу.

– А она у тебя есть?

– Ну, полно. Я не за тем пришел.

– Вот и я говорю: без выгоды ваше отродье не ходит.

– Строга, как мать. Я правильно понял, что я у тебя не первый гость?

– Старик показался. Впервые за много лет.

– Значит, и ему беспокойно.

– С чего бы?

– Не знаю. Слухи разные. Что-то не так. В твердыне собирают силы. Зачем? Сама знаешь кто тоже это заметил и тоже готовится. Как бы спокойным временам не пришел конец. Впрочем, это тебе, наверное, и старик донес. Мне интересно другое. Поддержи-ка.

Он протянул ей маленький шарик темного стекла.

– Что это?

– Красивая вещица, правда? Ну-ка, покажи.

В ее руках шарик стал меняться. Внутри будто плескалась темная жидкость, а в ней всплывали облака, красные и белые.

– Занятно. – Мужчина надел куртку. – Весьма занятно. Дай сюда.

Шарик исчез у него в кармане.

– Так что это?

– По миру ходят разные легенды. В одних правда, другие для потехи. Я не увеливаю. Мне пока самому не хватает знаний, чтобы ответить.

– Мутный ты какой-то.

– Говорю же, я сам многого не понимаю.

– Тогда убирайся. Я тебя не звала.

– Где манеры? Разве гостей выгоняют? Ладно, спишем на юность. Ответ на один вопрос. Даже не знаю, как спросить... Представь меч. С виду обычный. Могут в нем жить две противоположные силы? Может он быть святым и проклятым одновременно?

– Старческий маразм? Так рано?

– Так и знал, что услышу сарказм. Пример плохой, согласен. Но вопрос в нем трудный. Могут ли две противоположности быть одним целым?

– На то они и противоположности, чтобы держаться врозь.

– А не значит ли это, что когда-то они были одним? Тогда выходит, мы просто видим по ошибке две вещи там, где была одна.

– К чему эти разговоры?

– Мне интересно.

– Раз сказать больше нечего, уходи. Не хочу долго сидеть с тобой под одной крышей.

Гость медленно поднялся и взял перчатки.

– Манеры, детонька. Манеры превыше всего.

– Когда твой брат умирал у тебя на руках, ты ему тоже про манеры напоминал?

Он остановился на пороге. Долго ничего не говорил.

– Не проходит дня, чтобы я не видел его взгляд. Я помню каждый удар его сердца, пока он лежал у меня на руках. И тот, после которого ударов больше не было. Не тебе меня судить. Я любил его, как никто на свете.

– Забавно выходит. Любил, но убил.

– Ты не знаешь всего. Не знаешь, о чем он меня просил. Я лишь спас его. Мне пришлось. – Он натянул перчатки. – Даже твоя мать не так остра на язык. Тяжело с тобой.

* * *

Неделя пролетела. Оба утонули в поручениях и почти не виделись. В пятницу вечером Мари налила кофе в бумажный стаканчик и пошла в переговорную на втором этаже. Там и днем-то никого не бывало: на третьем и четвертом переговорные были лучше. А вечером не было никого совсем, и Мари приходила сюда думать.

Она поставила стаканчик, упала в кресло и запрокинула голову. Закрыла глаза, подняла правую руку и заслонила ладонью лампу над собой. Свет протекал между пальцами и ложился полосами на веки. Она сжала пальцы, как будто его можно было поймать. Потом вздохнула и уронила руки почти до пола.

– Медитируешь?

– Аслан? Нет. Устала. Давно ты здесь?

– Только вошел. У меня на работе несколько мест, где можно побыть одному. Похоже, они у нас общие.

– Занятно.

– Не помешаю?

– Нет.

Он сел в соседнее кресло и положил голову на стол. Помолчали.

– Я тебя ни разу не видел в столовой.

– Не хожу. Не очень люблю людей. Вообще никого не люблю возле себя.

– Но со мной же ты общаешься.

– Ты другой. Ты добрый. Слишком добрый. Таких больше

нет, а жаль. Мир был бы проще.

– Добрый? Сомневаюсь.

Он долго молчал, а потом заговорил, не поднимая головы.

– Мне было четыре, когда мама и папа погибли у меня на глазах. Мы ехали на дачу. Я с сестренкой сзади, они впереди. На машину упало дерево. На скорости девяносто, прямо на передние сиденья. Нам с сестрой повезло. Только я помню, что это было не дерево. Мимо машины летело какое-то мерзкое существо, а за ним гнался человек с белыми крыльями. Он его обогнал, метнул молот и пригвоздил эту тварь к земле. Прямо сквозь нашу машину. Психолог потом говорил, что это защитный механизм, чтобы я не сошел с ума. Но я помню. Потом мы росли у тети. Она работала на трех работах, а я смотрел за сестрой. Мы не жили, мы выживали. Сейчас все наладилось. Сестру замуж выдал, работаю, тете помогаю. Не знаю, зачем я это рассказываю. Обычно никому не рассказываю. Захотел, чтобы ты знала. А добрый – это тот, у кого нет злых мыслей. Меня жизнь ломала столько раз, что я иногда мечтаю, чтобы человечества не стало вообще.

– Я не знала про родителей. Соболезную. – Мари тоже легла на стол и стала постукивать ногтями по столешнице. – А человечество иногда заслуживает. Мне порой хочется погрузить всех в вечный сон, чтобы мир от людей отдохнул.

Она закрыла глаза.

– А я чуть ли не с рождения мечтаю прожить обычную жизнь. Чтобы друзья были настоящие. Чтобы полюбили по-

настоящему. Мама у меня дочь очень влиятельного человека. Он был против отца, она вышла замуж тайно и сбежала. Родня от нее отвернулась. Я еще не родилась, а уже была изгоем. Только тот, из торгового центра, тайком помогал нам с мамой.

– Но ты была с ним холодна.

– Знал бы ты их получше.

– Получается, мы оба ненавидим свои жизни, – усмехнулся Аслан.

– В этом мы похожи. – Мари поправила волосы. – Но ты все-таки добрый. Мне нравится твоя наивная простота.

– Наивная простота?

– Ты без подвохов. Говоришь, что думаешь, и ничего не прячешь.

– Если ты хотела меня смутить, тебе удалось.

– Вот, уже покраснел.

– Если тебе от этого веселее, я готов и позеленеть.

– Жаль, что мы не познакомились лет пять назад. Может, я не стала бы такой злой.

– Ты не такая.

– Для тебя, может быть.

– Для всех. И даже не спорь, я по гороскопу Овен, меня не переубедишь. Лучше скажи, какие планы на вечер? Тут бар неподалеку.

– Там люди. Я никого, кроме тебя, видеть не хочу. Но выпить не против. Может, опять ко мне?

– Тебе сложно отказать.

У нее дома они проголодались раньше, чем добрались до шахмат, и пошли на кухню. Выяснилось, что Аслан готовит гораздо лучше, чем признавался, а Мари, похоже, не готовила ни разу в жизни. Что было недалеко от правды.

После ужина сели смотреть какой-то старый фильм. Аслан уснул, не досмотрев и половины. Мари принесла подушку, накрыла его одеялом, выключила телевизор и свет и вышла во двор.

На ее любимой скамейке было пусто. Небо над городом тоже было пустое, звезд почти не видно. Ветер трогал волосы.

– Интересно, слышишь ли Ты всех, кого создал? О чем я... Таких, как я, слушать незачем. – Она опустила голову. – Разве я виновата, что родилась такой? Что Ты вдохнул в меня именно такую жизнь? Я ведь не выбирала.

Она прикусила губу. По щекам текло.

– Каждый выбирает свой путь сам, кем бы ни родился. Не против, внученька, если я присяду?

– Садись. Я пойду.

– Отчего же? Я надеялась поговорить.

– Если думаешь, что тебе удалось скрыть смрад тех земель, ты ошибаешься. Меня удерживают только твой возраст и то, что смрад не твой. Ты им просто пропиталась.

– Права, внученька. Смердит там.

– Мне твои байки не нужны.

– Постой. Ты же не обидишь старуху, которая столько прожила ради встречи с тобой? А если все-таки уйдешь, подумай о том, кто у тебя сейчас спит. Ему скоро понадобится твоя помощь.

Мари остановилась.

– Ему? Говори, что ты скрываешь.

Старушка села и тоже подняла лицо к небу.

– Сядь, внучка. Времени у меня мало. Те земли просто так не отпускают, даже если тебе там быть не положено.

Мари села.

– Однажды каждый из нас сможет задать свои вопросы лично. Ты бы о чем спросила?

– Таким, как я, этого не дадут. Тебе ли не знать. Грешны, не успев родиться. Ужасны, не сделав ни одного зла. А мы с мамой умудрились стать изгоями среди изгоев. Лучше скажи, кто ты. Ты не из семьи и не из их слуг. Не в иерархии и не из наказанных. И что ты хотела сказать про Аслана?

– Занятный паренек. Дай мне слово, что он будет под твоей защитой, что бы ни случилось. Уж больно многое в том, что грядет, будет зависеть от его решений.

– Что грядет? Ему что-то грозит из-за меня?

– Не знаю. Не складывается у меня картинка. Знаю одно: он должен жить. Бывают такие люди, которым спокойно пожить не дают, приключения сами к ним липнут. Он из таких. Скоро он себя покажет. А про тебя скажу вот что: ты не та, кем себя считаешь. У тебя очень светлое сердце.

– Ха. По твоей логике, бабуля, черные дыры – самые яркие звезды. В них же столько света. Правда, они не светят. Они его съели.

– Полюби себя такой, какая есть. Он сумел увидеть свет в твоём сердце. Увидь и ты.

Мари смотрела в пустое небо.

– Свет в сердце... Мне все чаще кажется, что он просто под властью моей сущности. И только.

– Ты как корабль, который сбился с пути. Тебе нужен маяк. Позволь этому пареньку им быть. Он же тебе доверился.

– Он не знает, кто я. – Волосы упали ей на лицо. – Не знает, какой я монстр. А мне рядом с ним так спокойно. Я хоть немного чувствую себя обычным человеком.

– Тебе нужно рассказать ему.

– Боюсь. Боюсь, что больше никогда такого не почувствую.

– Его чувства сильнее, чем ты думаешь. И главное, они настоящие.

Мари вытерла лицо рукавом.

– Кто ты, бабуля?

– Так ты дашь мне слово?

– Дам, не волнуйся. Что ему может грозить-то? Людишки живут себе и не понимают, как мало им грозит и как старательно их берегут. Даже завидно.

– Вот и хорошо. Теперь можно возвращаться.

– Ты так и не ответила.

Старушка встала и потихоньку пошла по дорожке.

– Скоро свидимся, обещаю. И верь огню в своем сердце.

Он укажет путь.

Мари посидела еще. Над домами висел полумесяц. Она вытянула к нему руку, как в переговорной к лампе, и опустила. Взялась за край скамьи.

– Ненавижу себя.

Доска под ее пальцами громко треснула.

* * *

Ночью Мари не спала. Под утро она поймала себя на мысли, что хочет порадовать Аслана чем-нибудь вкусным, долго листала рецепты и остановилась на кексах.

– Кексы я, думаю, сумею.

С тестом все оказалось просто, в рецепте были картинки. С формочками хуже: для кексов не нашлось, были только для печенья. Пришлось печь в чем есть. Она поставила противень в духовку, села за стол и положила голову на руки.

– М-да. Непростое это дело.

Аслан проснулся от запаха гари и прибежал на кухню. Мари вытаскивала из духовки что-то черное.

– Что случилось?

– Аслан? Прости, я такая недотепа! Не спалось, захотела порадовать тебя вкусеньким. Поставила кексы, села за стол и отключилась! – Она чуть не плакала. – Я надеялась, ты не проснешься.

Она вытряхнула угли в ведро, отвернулась к раковине и

стала тереть противень, лишь бы не смотреть на него.

Аслан улыбнулся, открыл нижний шкафчик справа от нее и достал темную пластиковую бутылку.

– Держи. Этим проще.

Мари молча взяла. Уши у нее горели.

– Мне еще никто никогда не готовил завтрак. Спасибо.

– Я все испортила! За что спасибо? Прости меня...

По щекам скатились две крупные слезы. Аслан взял ее за руку, развернул к себе, вытер ей лицо и обнял так, что ее голова легла ему на плечо.

– Дура ты. Иногда важно не то, что получилось, а то, что человек делал. Подгорело, не подгорело, какая разница. Ты хотела подарить мне эмоции. Это и есть самое важное. Спасибо, что подумала обо мне.

Мари прижалась к нему.

– Дурак ты! Добродушный, искренний дурак. Ты столько для меня сделал за эту неделю. А я даже кекс не смогла.

– Научу, в следующий раз порадуешь. Но сначала давай окно откроем, дышать нечем.

Она улыбнулась и побежала к окну.

– Вот, так-то лучше. Ты, конечно, милая, когда плачешь, но улыбка тебе идет больше.

Завтрак они приготовили вместе. Потом Мари вспомнила про настольную игру, и до полудня они не вставали с ковра.

– Игра хорошая, но намусорили мы тут. Вернее, ты намусорила! Зачем все карты раскидала?

– А как еще праздновать победу? Не каждый день я тебя обыгрываю.

Прибрались, сели на диван и уткнулись в телефоны: со вчерашнего вечера накопились сообщения. Мари сидела в обнимку со своим плюшевым зверем.

– Знаешь, – сказала она, – когда ты рядом, у меня на душе тихо. Обычно я живу настороже. Жду подвоха, оглядываюсь. А с тобой нет.

Аслан отложил телефон.

– Мне с тобой тоже спокойно. И я не понимаю, за что ты себя так не любишь.

– Ты не знаешь...

– Так расскажи.

– Не могу.

– Почему?

– Боюсь, что ты перестанешь со мной общаться.

– Я перестану в одном случае: если ты сама скажешь, что тебе это не нужно.

Он протянул руку и вытер ей щеку. Мари обняла его и прижалась ухом к груди.

– Как бы я хотела, чтобы эти слова остались в силе, когда ты узнаешь меня настоящую. – Она улыбнулась. – У тебя сердце стучит. Так приятно слушать. Можно я немного вздремну вот так?

– Можно. Только скажи: ты дашь мне узнать, какая ты на самом деле?

Мари обняла его крепче и легла.

– Дай слово, что попытаешься принять меня такой, какая я есть.

– Обещаю.

– Сегодня вечером день рождения моего отца. Хочу познакомить тебя с ним и с мамой. После этого расскажу все. Только не делай поспешных выводов.

– Хорошо.

Она уснула почти сразу.

Когда Мари открыла глаза, Аслан тоже спал. Одна его рука лежала у нее на талии, вторую он подsunул ей под голову вместо подушки. Он посапывал, как ребенок. Мари поцеловала его в лоб и провела пальцами по щеке.

– Как бы я хотела сделать тебя самым счастливым на свете, – прошептала она. – Только может ли такое чудовище об этом мечтать?

В ванной она набрала в ладони холодной воды и плеснула в лицо. Вода стекала по подбородку. Из зеркала на нее смотрели мокрые фиолетовые глаза.

– Монстр, – сказала она и плеснула водой в зеркало.

Потом заварила чай и забралась на широкий кухонный подоконник. Внизу ехали машины, куда-то торопились люди. Чай почти кончился, когда рядом оказался Аслан.

– Любуешься?

– Аслан? Я тебя не заметила.

– Ты даже не ответила, когда я поздоровался.

- Не слышала, прости.
- Что тебя тревожит?
- Боюсь сегодняшнего вечера.
- Думаешь, твоя семья меня не примет?
- Нет, тут как раз все просто. Отцу ты понрависься.
- Тогда я не понимаю.

Мари улыбнулась и снова отвернулась к окну. Аслан подошел и обнял ее. Впервые сам, первый. Она уткнулась ему в плечо и тихо заплакала.

- Поделись. Что тебя гложет?
- Не могу. Боюсь.
- Чего?

– Меня все боятся. Обходят. Родня считает изгоем. Люди даже не знают, какая я, и все равно боятся, наверное, чувствуют. А ты... Ты ворвался в мою жизнь как не знаю что. Пришел, улыбнулся, и все. Прошла неделя, а я уже не могу представить, что ты исчезнешь. Что я не проснусь от запаха кофе и блинов. Я боюсь, что ты не захочешь меня видеть.

- Почему ты решаешь за меня, что я сделаю?
- Потому что так делают все.

Аслан вздохнул и погладил ее по голове.

- Ты многого натерпелась.
- Я просто хочу быть обычной.
- Обычной не получится. Ты для меня уже целый мир, и я хочу в нем разобраться.
- Дурак ты, – усмехнулась Мари. – Ты же ничего про меня

не знаешь.

– Думаешь? А по-моему, знаю.

– И что же?

– Передо мной очень красивая и милая девушка, которой мир сделал много больного, а она все равно сохранила чистую душу. Маленькая девочка, которой пришлось быть сильной, хотя она мечтала быть слабой и чтобы ее кто-нибудь защищал. Человек, который нашел то, что искал всю жизнь, и теперь боится сделать последний шаг. Так обжегся, что боится быть счастливым.

– Аслан...

Мари вытерла слезы о его плечо, отстранилась, подошла к столу и взяла нож.

– Доверься мне. Прошу. Дай руку.

Он протянул. Она повернула его ладонь вверх и уколола большой палец. Выступила одна капля. Аслан дернулся, но руку не убрал.

– Ты же боишься крови.

– Боюсь я не крови. Сейчас это неважно.

Она уколола свой палец.

– Теперь проведи этой каплей линию по моей ладони. От запястья до среднего пальца.

Он провел. Она провела такую же по его ладони. Потом опустилась перед ним на колени, склонила голову и протянула руку ладонью вверх.

– Это древний ритуал. Я хочу дать тебе клятву. Прими

ее. Когда я договорю, подай мне руку так, чтобы две линии сошлись в одну.

– Зачем? Я не понимаю.

– Мне это важно. Прошу.

– Раз важно, хорошо.

– Только не перебивай.

Она заговорила тихо и ровно:

Клянусь огнем, что в сердце прячу,
И тьмой, в которой рождена.
Клянусь слезой, которой плачу
Впервые в жизни не одна.
Клянусь и небом, что не примет,
И бездной, что меня не ждет,
Чертой, что кровью между ними
Сейчас ладонь моя ведет.
Клянусь дарить тебе я верность,
Покорность и судьбу свою.
Клянусь я быть тебе покорной,
Стать верною тебе опорой,
Уж коли примешь сущность ты мою.

– Прошу, прими мою клятву.

– Но зачем это нужно?

– Прошу.

Аслан постоял, подумал.

– Приму. С одним условием.

– Каким?

– Когда ты мне все расскажешь, я внесу в нее небольшую поправку. Только после этого она вступит в силу.

– Я согласна.

Он взял ее за руку. Ладонь обожгло. Он отдернул руку и посмотрел: крови не было. Ни на его ладони, ни на ее.

Мари встала с колен и улыбалась.

– И что это было?

– Я дала тебе клятву верности. Но она не сработает, если ты, узнав обо мне все, не захочешь принять меня такой, какая я есть.

– Дуреха ты. Веришь во всякую чушь.

– Верю или нет, а нам пора ехать.

– На такси?

– На моей машине.

– У тебя есть машина?

– Отец подарил. Я редко на ней езжу, не люблю выделяться. И так все говорят, что отец все за меня в жизни сделал.

* * *

Они ехали по шоссе почти час. Аслан смотрел на проплывающие деревья, потом повернулся и стал смотреть на Мари.

– А ты очень красивая, когда сосредоточена.

– Только когда сосредоточена?

– Нет, ты не так поняла.

– А как я должна была понять?

– Ты красивая всегда. Но когда смотришь на дорогу вот так, в тебе появляется... не знаю. Это надо видеть со сторо-

ны.

– Ну, такого мне еще не говорили. Комплимент засчитан.
– Она покраснела. – И хватит пялиться, это смущает.

– Как замерзший путник не может оторвать глаз от костра, так и я не могу оторваться от тебя.

– Путник, не забывай, что костер кусается.

Она взяла его правой рукой за подбородок и развернула лицом к дороге.

– Туда смотри.

– Это почему? Между прочим, ты дала клятву быть покорной. Не перечь своему господину.

– Господин недоделанный! Клятва еще не вступила в силу.

– Дело времени. Сегодня вечером вступит.

– Вот тогда и покомандуешь. А пока не отвлекай.

– Ладно, ладно. Ворчишь: бу-бу-бу. – Он уставился на дорогу. – Ой, черт!

– Что?

– У твоего отца день рождения, а я без подарка!

– И не надо. У нас в семье подарков на день рождения не дарят. Зато на семейном ужине быть обязательно. Отец и так обрадуется: ты первый, кого я привожу домой.

Еще минут через десять они въехали в небольшой поселок за шлагбаумом с охраной. Мари проехала вглубь и остановилась у одного из самых больших домов. Аслан сглотнул.

– Ты не говорила, что настолько богата.

– Не я, а отец. Он много работал. И при всем этом остался обычным отцом, не то что соседи. Идем.

За воротами был двор, выложенный плиткой. Казалось, тут просчитан каждый сантиметр.

– Двор мама обустроивала сама, до мелочей. А дом внутри придумал отец: минимализм пополам с барокко. Он любит сочетать несочетаемое. А мое любимое место вон там.

Она показала на крышу. Там стояла стеклянная пирамида.

– Потом покажу.

В холле Аслан остановился и забыл закрыть рот. Мимо шла женщина с корзиной фруктов. Она увидела Мари, увидела рядом с ней молодого человека и уронила корзину.

– Добрый день, мадам Люмьер. А где родители?

– Юная госпожа! Вас ждали вечером, как обычно. И вы не предупреждали, что будете не одна.

– Здравствуйте, я Аслан. Давайте помогу!

Он кинулся собирать яблоки. Мари хихикнула.

– Юный господин, прекратите! Не отнимайте у меня работу, за которую мне платят. Это моветон!

Аслан выпрямился с яблоком в руке и беспомощно посмотрел на Мари.

– Знакомься, – сказала та, давась смехом. – Мадам Люмьер была моей гувернанткой, а теперь дворецкий. Единственная прислуга в доме. И она очень не любит, когда ее работу делает кто-то другой. Исключение одно: мама.

– Простите, мадам Люмьер, я не хотел вас оби...

– Что за шум, а драки нет? – В холл вошла Розалин. – Доченька? Я ждала тебя вечером. И не одна? Да еще с Асланом? Похоже, у вас все серьезнее, чем я думала.

– Добрый день, мама.

Мари поцеловала ее в щеку. Розалин заметно удивилась.

– Здравствуйте, Розалин. – Аслан поклонился и понял, что не знает, что говорить дальше.

– Так вы, Аслан, встречаетесь с моей дочерью?

Он покраснел, посмотрел на Мари, потом на ее мать.

– Пока нет. Но в ближайшее время планирую. И, пожалуйста, на ты, я еще не заслужил.

– Планирует он, – проворчала Мари. – А мое согласие никому не нужно? Не стой в дверях, идем в гостиную.

Она сказала, что ей нужно на минуту к себе, и ушла наверх. Аслан сел на диван, Розалин напротив.

– Знаешь, Аслан, ты первый, кого она привела познакомиться с отцом. С ее характером я не думала, что доживу до этого дня.

– Неправда. У нее доброе сердце. Ей просто тяжело.

– Так или иначе, ты на нее хорошо влияешь. Она меня поцеловала при встрече. Такого лет десять не было.

– Она и была доброй. Просто никто не хотел этого видеть.

– Позволю себе нескромный вопрос. – Розалин смотрела на его руку, на свежий порез на большом пальце. – Вы дали ей клятву?

– Нет. Она мне. Но я не хотел бы это обсуждать.

– Она тебе? – Розалин посмотрела на него совсем по-другому. – Что же она в тебе разглядела, чего не вижу я. С виду обычный парень.

– Сам себя об этом спрашиваю. Месяц назад я бы не поверил, что такая девушка захочет со мной разговаривать.

Розалин поставила чашку.

– Интересно. Ладно, я обещала встретить мужа. Чтобы не скучать, поднимись к Мари: второй этаж, вторая дверь справа от лестницы. Минут через пятнадцать спускайтесь в столовую.

Аслан посидел еще немного и пошел наверх. Постучал. Никто не ответил, и он вошел. За дверью оказалась маленькая прихожая с гардеробом, а за ней сама комната.

– Мари, ты тут?

Он шагнул внутрь и ошеломился.

Справа, у шкафа, стояла Мари. Из одежды на ней были чулки и кружевное белье, причем только нижняя его половина. Грудь она успела прикрыть рукой, но легче от этого не стало. Аслан увидел плечи, талию, еле заметные линии пресса и почувствовал, как у него горит лицо.

– Долго будешь пялиться? Может, отвернешься?

– П-п-прости. Не знал, что ты переодеваешься.

Мари улыбнулась и прикусила губу.

– Извинения приняты. Но все же отвернись.

– Да. Точно. – Он повернулся к стене. – Я, наверное, вый-

ду. В коридоре подожду.

– Нет. Хочу задать вопрос.

– Какой?

Она подошла, не одеваясь, обняла его сзади и шепнула в самое ухо:

– Ты видел меня почти голый. Я тебе понравилась?

Он чувствовал ее спиной. Думать это мешало очень сильно.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты захотел меня? Только честно.

Аслан помолчал. Погладил руку, которая его обнимала. Глубоко вдохнул, развернулся, притянул Мари к себе за талию и поцеловал.

Она дернулась. Он прижал ее крепче, и она обмякла и закрыла глаза. Через пару секунд Мари с удивлением поняла, что сама обнимает его и перебирает пальцами его волосы.

В дверь постучали.

– Молодежь, идемте за стол, – сказала Розалин и вошла.

Мари в ужасе оттолкнула Аслана. Аслан, мгновенно побагровев, уставился на ее мать.

– Мама, это не то, что ты подумала!

– Да, мам... ой, миссис Розалин. Я могу все объяснить.

Розалин оглядела обоих, вошла и закрыла за собой дверь.

– Повезло, что вместо отца пришла я.

Мари, опустив голову, пошла одеваться.

– Миссис Розалин, не ругайте Мари. Виноват я. Я вошел

не вовремя и дал волю чувствам.

– Чувствам?

– Да. Мы с Мари об этом еще не говорили, но, видимо, пора. Я не сдержался. Прошу прощения.

Розалин посмотрела на него, потом на Мари, которая уже поправляла волосы.

– Поговорить успеете. Жду вас внизу. Мариэль, от тебя жду отдельного объяснения.

– Но мам...

– Мариэль Александровна. – Левая бровь Розалин поднялась.

– Да, мама. Поняла.

– Вот и хорошо. У вас две минуты.

– Миссис Розалин, вы же не будете ругать ее из-за меня?

– Аслан, тебя я услышала. Мне нужно поговорить с дочерью. При всем уважении к тебе, не пристало юной девушке так себя вести. И дело не только в том, что я увидела.

Она вышла.

– Прости, – повернулся Аслан. – Не хотел тебя так подставить.

Мари стукнула его кулаком в плечо. В глазах у нее стояли слезы.

– Никогда. Никогда не смей целовать меня без моего разрешения!

Она пошла к двери. Аслан поймал ее за руку и развернул к себе. Он хмурился, и это было так на него не похоже, что

она замерла.

– Веди себя как хочешь. Но я люблю тебя. Люблю, как никого на свете, и вижу, что это взаимно. Поэтому целовать тебя или нет, буду решать сам. Захочу – поцелую снова. Потому что знаю, что ты хочешь этого так же, как я.

Секунду назад она была как натянутая струна. Теперь струна ослабла. Впервые в жизни ей не хотелось быть сильной и независимой. Его губы были совсем рядом. Он потянулся к ней, и она закрыла их ладонью.

Глаза у нее были испуганные.

– Молю, – прошептала она. – Прежде чем говорить мне такое, узнай то, что я скрываю. Я все расскажу сегодня. После ужина.

– Обещаешь? Пока не дашь слово, не отпущу.

– Обещаю. Идем? А то матушка вернется и отвесит оплеух.

В столовой Розалин и мадам Люмьер расставляли последние блюда.

– Вовремя. Мариэль, возьми хлопушки. Аслан, помоги ей. Когда войдет именинник, стреляете одновременно. Минутная готовность, он уже паркуется.

Через минуту дверь открылась, и вошел высокий седой мужчина. Хлопушки бахнули, все закричали поздравления. Все, кроме Аслана. Аслан стоял с пустой хлопушкой и смотрел.

– Спасибо, мои родные! – Мужчина обнял жену, потом

дочь. – Не поверите, мадам Люмьер, я опять забыл про свой день рождения. А вы и мои девочки помните всегда. О, у нас пополнение в поздравительной команде? Как вас зовут, молодой человек?

– Александр Владимирович? – пробормотал Аслан.

– Да, юноша, это я. А к вам как обращаться?

– Папа, это Аслан. Мой хороший и надежный друг. И коллега. Решила познакомить его с семьей. Ты же не против?

– Аслан, значит. Ну а я папа Мари. Можно просто Александр.

– Простите. Я немного растерялся. Мари... Мариэль не говорила, что ее отец министр. И по совместительству мой начальник.

– Да, дочь моя отца стесняется. Почти никому обо мне не говорит. Обидно, но я ее понимаю.

– Неправда, папа. Я тобой горжусь. Я просто не хочу, чтобы меня видели только в твоей тени.

– Так, все за стол! Разговоры за столом! Мы с мадам Люмьер что, зря старались?

Первый тост Розалин сказала за мужа. Потом Александр рассказывал семейные истории, по большей части про дочь, и Мари закатывала глаза. Потом он повернулся к Аслану.

– Ну а вы, Аслан? Расскажите о себе?

– Прошу вас, на ты. Я не дорос.

– Признаюсь, уже одно то, что моя дочь привела в дом именно вас, достойно уважения. Зная ее взгляды на мужчин.

Но раз просишь, договорились.

– Папа, он не мой парень, и мы не пара.

– Мне кажется, это ненадолго, – заметила Розалин.

Покраснели оба.

– Смотри, Розалин, как молодежь зарделась! – расхохотался Александр. – Вспомнил, как мы с тобой краснели перед друзьями.

– Нашел что вспомнить!

– Так что Аслан?

– Да мне почти нечего рассказывать. Обычный парень. Работают в вашем министерстве, после работы сижу дома или гуляю.

– Папа, позволь возразить. Он умный, образованный, на работе его все любят, потому что он всем помогает. А еще он рисует. Смотри!

Мари протянула отцу телефон.

– Ты сфотографировала мои рисунки?

– Прости. Хотела показать одному человеку. Папа, помнишь дядюшку Бернарда, твоего друга из Франции? Он мне не поверил, что Аслан самоучка. Сказал, без школы так не рисуют.

– Ты нигде не учился?

– Нет. Я рисую только для себя.

– А зря. Мог бы хорошо зарабатывать.

– Деньги не главное, хотя с ними, конечно, легче. Просто иногда хочется дать волю воображению. Мне это помогает

собраться с мыслями.

– Похвально. Говоришь, работаешь у меня?

– Да.

– А расскажи, что обо мне и моей политике думают со-
трудники. Мне до жути интересно.

– За всех не скажу, не интересовался.

– А от себя?

– Вам честно?

– Да.

– Во многом я с вами согласен. Но кое-что, по-моему,
можно и нужно делать иначе.

– Например?

– На нас сваливают слишком много вопросов, которые
лежат на стыке с другими министерствами и решать кото-
рые мы не уполномочены. Вам нужно быть с другими мини-
страми строже. Люди у нас идейные, перфекционисты как на
подбор, они ночами сидят, чтобы сделать это на совесть. И
перегорают. Мне кажется, еще полгода, и начнут увольнять-
ся. Как говорил Макиавелли, король должен платить своим
вассалам или встать на их защиту.

– Интересно. Честно признаюсь, не знал. Обещаю испра-
вить.

– А ты не из робкого десятка, – сказала Розалин.

– Да уж. Другой на твоём месте постарался бы мне уго-
дить.

– Вы же просили мнение. Простите, если задел.

– Нет-нет. Я приятно удивлен.

– Мари, пока мужчины беседуют, помоги мне убрать со стола.

– Но мама!

– Миссис Розалин, я приберу, – вскочила мадам Люмьер.

– Сидите, мадам Люмьер, прошу вас, – остановил ее Александр. – Вы моих девочек избаловали. Пусть хоть что-то делают сами.

На кухне Мари сгрузила тарелки в раковину и повернулась уходить.

– Нам надо поговорить.

– Так и знала. Лекция о моей распутности?

– Нет. Я уважаю твой выбор. Аслан достойный парень. Простых, открытых и при этом со стержнем найти трудно.

– Тогда речь обо мне.

– Ты же помнишь...

– Что я монстр? Можешь не напоминать.

– Как и я. Думаешь, мне легко хранить тайны от твоего отца? Я прошу тебя об одном: расскажи ему сейчас. Иначе проживешь всю жизнь так, как живу я. Ты не представляешь, как это тяжело.

– Почему я не могу жить как все? Кому я помешала тем, что я такая?

– Я задаю себе эти вопросы не первый десяток лет.

– Но у тебя есть папа.

– Который ничего не знает. И который всего раз в жизни

почувствовал, как я люблю на самом деле. И чуть не умер.

Стало очень тихо.

– Сегодня, когда я вас застала. Ты ведь забылась? Не держала себя?

– Я даже не поняла, как все произошло.

– Тебе либо очень повезло, либо...

– Что «либо»?

– Не знаю. Может, он не так прост, как кажется. Твой поцелуй, ты же помнишь...

– Мама, не надо. И так тошно.

– Признайся ему. Если любит, примет.

– У меня от одной мысли поджилки трясутся.

Розалин подошла и прижала ее голову к своей груди.

– Это не последняя боль в твоей жизни. Я подарила тебе жизнь и вместе с ней все это. Но не было дня, чтобы я не просила Создателя о помощи.

– Таких, как мы, Он не слышит.

– Я думаю иначе.

Они постояли так минуту и вернулись в столовую.

Просидели за столом еще около часа. Потом Розалин напомнила мужу, что у тетушки мадам Люмьер сегодня юбилей и надо бы съездить поздравить.

– О, точно! Мари, Аслан, хотите с нами?

– Дорогой, оставь молодежь. Вряд ли им интересна пожилая мадам Софи. Тем более Мари хотела показать Аслану свою коллекцию.

– Коллекция у нее шикарная. Ладно, милые дамы, собирайтесь. Аслан, поможешь разгрузить багажник?

Пока Аслан носил в дом коробки, Александр достал из бардачка небольшую книгу, извинился и пошел наверх.

Мари сидела в стеклянной пирамиде. Отсюда был виден весь двор и закат за поселком.

– Папа?

– Он самый. Помнишь, я обещал найти твою любимую книжку? Держи. Первоисточник, без перевода, как ты хотела.

– Спасибо. Не думала, что ты помнишь.

– Помню. Времени не было.

Мари обняла его.

– Знаешь, доча, мне понравился Аслан.

– Я рада. Но не думаю, что у нас сложится.

– У нас с твоей матерью сложилось.

– Но...

– Без «но». Мы очень разные. Она многое от меня скрывает. А я люблю ее всем сердцем. – Александр отошел к стеклу. – Она боится рассказать мне то, что я и так знаю. А я боюсь признаться, что знаю.

– Так ты...

– Да. Но сейчас не о нас. Аслан во многом похож на меня. У меня в его годы были такие же глаза, когда я смотрел на твою мать. Любовь странная вещь, она принимает самые разные формы. Если любишь его, борись. Так, как твоя мать

боролась за право быть со мной. В ее семье ее за это прозвали Алой бестией.

– Значит, ты все это время...

– Да.

– И за всю вашу жизнь всего один раз... – Мари смутилась.

– И чуть не умер. Но забыть такое невозможно.

– И ты все равно...

– Все равно считаю, что прекраснее женщины на свете нет. Так что, если он тебя любит, ничто этому не помеха.

Мари обняла его еще раз.

– Спасибо, папа.

Через несколько минут машина с родителями и мадам Люмьер выехала за ворота.

Аслан поднялся в пирамиду и сел на диван. Закат горел во все стекло.

– Красиво.

– Поэтому и люблю это место.

Мари достала из шкафчика плед, завернулась, села рядом, поджав ноги, и положила голову ему на плечо. Они смотрели на закат.

– Знаешь, когда ты сегодня остановил меня и сказал, что будешь целовать, когда сам захочешь... мне было приятно.

– Приятно?

– Впервые в жизни решение принял кто-то за меня. Я очень хочу побыть слабой. Хрупкой девушкой, которую обе-

регает сильный неотесанный мужлан. Каким ты сегодня пытался выглядеть.

– Мужлан, говоришь?

– Образно. Не обиделся?

Аслан улыбнулся.

– Мне понравилось. И я захотел.

– Что?

– Ты спрашивала, понравилась ли ты мне и захотел ли я тебя. Отвечаю на оба вопроса.

Мари нашла его руку и прижалась крепче.

– Я бы хотел повторить наш поцелуй.

Она поцеловала его в щеку, встала и протянула руку.

– Идем.

– Куда?

– Я должна тебе кое-что рассказать.

Она повела его к гаражу.

– У папиного гаража есть нижний уровень. Большое помещение прямо под двором. Это наше с ним общее хобби.

Они спустились, и Мари включила свет.

Ангар был размером с весь двор. И весь он был заставлен мотоциклами. Старые и новые, тяжелые байкерские, спортивные, классика восьмидесятых стояли ровными рядами.

– Ну как?

– Ты не представляешь! Я обожаю мотоциклы! Я как ребенок, которого первый раз привели в огромный магазин игрушек!

Почти час он бежал от одного к другому, а Мари рассказывала.

– И ты на всех каталась?

– На всех. Но отец не любит, боится за меня.

– Главное, не лихачить!

– А я не могу не лихачить. На мотоцикле ты либо сливаешься со скоростью, либо не садишься. Вот я почти два года и не сажусь.

– А я вообще не умею.

– Научу как-нибудь.

– Ой, а что там за граффити?

– Это мое второе хобби. Я долго ее рисовала.

– Расскажешь?

– Тут Сатана и восемь его дочерей. Хочешь притчу?

– Давай.

– Сядь в то кресло, удобнее будет.

Аслан сел. Мари подошла к стене и заговорила, глядя на рисунок:

Восемь дочерей у

князя

Было в огненной ночи.

Он ковал их, словно стрелы,

Он точил их, как мечи.

Старшей дал он имя «Гордость»:

«Встань над всеми и смотри».

И пошла она по свету

Строить троны изнутри.
Средней – «Зависть»: «Стой у окон,
Где чужой огонь горит».
И с тех пор у всех соседей
Свет счастливее на вид.
Третья – «Гнев». Она приходит
С криком, с кровью на руках.
Следом – «Алчность». Эта копит
Молча, впрок, на всех замках.
Пятой – «Похоть»: сладкий голос,
Взгляд, что тянет в глубину.
А шестой – «Лень»: шепнет лишь
«Завтра» – и проспит весну.
Ненасытность – дочь седьмая –
Ест и пьет, а все пуста.
Ей весь мир подай на блюде –
Не насытятся уста.
Младшая стояла с краю,
Ни о чем не говоря.
Все гадали, что ей выпадет:
Злей, чем гнев? Страшней огня?
Князь склонился к ней устало,
Долго в очи ей смотрел:
«Ты их всех больней измучишь.
Будь Любовью. Вот удел».

– Сама написала?

– Сама. Давно. Притча, конечно, не совсем про то, как
было на самом деле. Но доля правды в ней есть.

– И в чем правда?

– Имя младшей дочери переводят как «прекрасная роза» или «роза любви». А в некоторых языках прямо как «любовь».

Мари показала на подпись под рисунком. Там было написано: «Розалин».

– Интересно ты привязала это к мамину имени.

– А ты бы поверил, если бы я сказала, что это правда?

– Скорее нет.

– А в Бога ты веришь?

– Скорее да. Не через религии. В создателя верю.

– Тогда и в демонов?

– Не знаю. К чему ты?

– А ты бы смог полюбить демона?

– Думаю, это невозможно. Демоны злые и убивают людей.

Они монстры.

– Я тоже монстр.

Она обернулась. По лицу текли слезы.

– Я не понимаю, к чему ты ведешь.

– Дослушай до конца. Прошу. Моя мать демонесса высшего ранга. Дочь Сатаны. Суккуб. Только, в отличие от других, она никогда не убивала людей. Она их любила и с юности жила среди них, сбежав из дома. Потом встретила отца. Они вместе больше двадцати лет и за все это время были близки один раз. После этого родилась я. Мама поддерживает в его голове иллюзию, что у них все как у людей. Но это иллюзия.

Она перевела дыхание.

– Близость с суккубом человека убивает. Отцу повезло, он выжил. Поцелуй не лучше: он вытягивает из человека жизнь. И чем сильнее суккуб любит, тем быстрее убивает. Поэтому я тебя сегодня ударила. Если бы я не удержала это в себе, ты мог умереть.

Я рассказала все. Сможешь ли ты любить меня такой?

– Ты же знаешь, что я в такие сказки не поверю. – Аслан встал и с улыбкой пошел к ней. – Тем более после нашего поцелуя ничего не случилось.

Мари опустила голову.

По ее телу пробежали языки фиолетового пламени, и она поднялась над полом сантиметров на двадцать. Одежда осыпалась пеплом. Из спины, чуть выше поясницы, развернулись два крыла, черных, как ничто из того, что Аслан видел в жизни. Пальцы удлинились в когти. Тело затянула гладкая черная броня, такая облегающая, что скрывала она немного, а открытыми оставила ладони, лицо и правый бок от бедра до нижнего ребра. Ниже крыльев появился хвост, похожий на драконий. По броне шли темно-фиолетовые узоры и трещины, и из трещин выбивался огонь того же цвета. Последние языки пламени дошли до лица, выкрасили губы в пепельно-черный и встали над головой маленькой короной.

Она медленно опустилась, почти на колени. Подняла голову. Из глаз у нее рвалось темно-фиолетовое пламя, и в этих глазах был страх.

– За связь с человеком и за то, что родила полукровку, мою мать в аду ненавидят. Один дедушка Асмодей, демон похоти, тайно навещает нас и помогает. Ты его видел в торговом центре. Я монстр. Чудовище. Демон. – Она сжала кулаки, и когти проскребли бетон. – Мне нет места ни среди людей, ни среди демонов. Скажи, ты можешь любить такое? Я пойму, если ты забереешь свои слова.

Она упала на пол и заплакала.

Аслан медленно пошел. Куда, она не видела. С каждым его шагом сердце у нее сжималось. Ей казалось, шаги удаляются к выходу. Потом они стихли. «Вот и все. Ушел».

Его ладонь легла ей на щеку. Он поднял ее лицо и заглянул в глаза.

– Какие прекрасные глаза...

Мари улыбнулась сквозь слезы.

– То же самое ты сказал в беседке.

– Я не вижу монстра. Я вижу девушку, которая не выбирала, кем родиться, но выбрала, кем быть. Какой же это монстр, если он за всю жизнь никому не сделал больно, а только сам терпел от людей? Монстры так не плачут.

– Аслан... Если ты принимаешь меня такой, ты должен понимать: я могу убить тебя своей любовью.

– Не можешь. Я верю, что нам суждено быть вместе. Даже не верю. Чувствую.

Он погладил ее по лицу и потянул к себе.

– Молю, не надо. Я вся горю, я хочу этого, – она покрас-

нела, – но нельзя. Я могу тебя убить. Аслан...

Он приложил большой палец к ее губам и поцеловал ее.

Мари зажмурилась от страха. Ничего не произошло. Прошла секунда, другая. Она поняла, что ничего и не происходит, и, все еще боясь, ответила. Села удобнее. С минуту это был их первый настоящий поцелуй. Потом Аслан прислонился лбом к ее лбу.

– Видишь? Обычный поцелуй. Никто не умер.

Мари засмеялась, заплакала и обняла его.

– Ауч!

– Что? – перепугалась она.

– Коготки на крыльях. По лбу попало.

Она уткнулась ему в плечо и разревелась сильнее прежнего.

– Ты чего плачешь?

– Прости. Теперь это от счастья. Я думала, ты испугаешься. Уйдешь. И я опять останусь одна.

– Упустить такой шанс? Можно же будет всем хвастаться, что моя девушка демонесса.

– Аслан! Ты дурак! – Она смеялась. – Все, отойди, я превращусь обратно.

– Нет, пожалуйста. Дай посмотреть, мне очень нравится. И Расскажи о себе еще.

– Я полукровка. Во мне человеческое начало и демоническое, а вместе они не уживаются. Демоническая кровь проснулась, когда я была младенцем, и я стала гореть изнут-

ри. Мама не знала, что делать. Помог Асмодей. Он привел вампира.

– Вампира?

– И такие уроды существуют. Они славятся тем, что на них все заживает. Меня спас только его укусы. А плата такая: я теперь на треть вампир. Поэтому мне было так жутко, когда ты порезался. Человеческую кровь я не пью, но она меня манит.

– То есть ты вообще не пьешь кровь?

– Человеческую нет. Раз в три месяца уезжаю в лес или в степь и охочусь. Больше всего люблю хищников: медведей, тигров. Иногда львов.

– Ты их убивала?

– Нет. Ловила, обездвигивала и пила, но не все. Потом охотилась вместо них и кормила, пока не окрепнут. И отпускала.

– Ты полна сюрпризов.

В эту секунду обоих обожгло. На лбу Мари проступил знак, похожий на правую половину нарисованного сердца, и из него, как из ее глаз, выбивался темно-фиолетовый огонь. На руке Аслана загорелась вторая половина, левая. Вспыхнула тем же пламенем и исчезла.

– Что это?

– Клятва вступила в силу. Ты принял меня такой, какая я есть. – Она обняла его. – Демон почти никогда не дает клятву верности по своей воле.

– И что она значит?

Мари улыбнулась, отошла на пару шагов и посмотрела на него.

– Прикажи мне встать на колено.

Аслан удивился, но приказал. Мари продолжала стоять.

– И что я должен увидеть?

– Подожди.

Она стояла. Дышала все тяжелее. Кусала губы, сжимала и разжимала кулаки. Через минуту по ее телу пошли трещины, и сквозь них прорвалось пламя. Она все стояла. А потом упала на колени и склонила голову.

– Что это было?! – Аслану стало страшно.

– Клятва. Если я не выполняю твой приказ, мне будет больно, как в аду. Пока не подчинюсь.

– Зачем? За что ты себя так ненавидишь? Мне не нужна рабыня. Мне нужна ты.

– Я понимаю. Но моя демоническая сущность... Однажды она может взять верх. И тогда ты будешь моим единственным предохранителем. Ты неисправимо добрый, ты будешь думать о людях. Только ты сможешь меня остановить. Пойми. Я боюсь себя.

– Не смей так говорить!

Аслан схватил ее за плечи и встряхнул. И сам испугался того, что сделал, не меньше, чем она. По щекам у него текли слезы.

– Ты не выбирала, кем родиться. Этого никто не выбирает.

Но ты вольна выбирать, кем быть. Ты ни разу не поддалась этой своей сущности. Я даже представить не могу, сколько ты пережила. Как каждый день боролась с собой. Как отодвинула от себя всех, чтобы никого не задеть, и заперлась в одиночестве. Ты выбрала добро. Ты выбрала путь человека.

– Человек, – прошептала Мари. Броня и крылья растаяли, и на коленях перед ним сидела обычная девушка. – Как я мечтаю быть человеком. Люди даже не понимают, какое это счастье. Один писатель сказал: «Человек! Это звучит гордо!»

– Быть собой тоже звучит гордо. Ты наполовину человек, наполовину демон. Но человек всегда побеждает демона. Верой и силой воли.

– Про вампира забыл.

– Точно. Еще и вампир. Моя девушка до невозможности ненормальная. – Он улыбался сквозь слезы, и Мари показалось, что добрее глаз она не видела никогда. – Именно поэтому я в нее и влюблен.

Он опустился на колени рядом и обнял ее.

– Спасибо, – шепнула она. – Я думала, ты меня бросишь.

– Не брошу. И клятву твою хочу разрушить.

– Молю, не надо. Оставь на всякий случай. Мне так спокойнее: если я поеду головой, хоть ты сможешь меня остановить.

– Я не хочу, чтобы ты подчинялась. Я люблю твою своеправность и дерзость. Все, что делает тебя тобой.

– Это все останется при мне, обещаю. Давай договоримся: в обычной жизни я делаю что хочу. Но если ты прикажешь, я подчинюсь. Хорошо? А если я все-таки сойду с ума, то смерть от твоей руки будет для меня самой желанной.

Аслан прижал ее к себе.

– Не говори так. Я в тебя верю. Ладно, у тебя тут есть что попить? В горле пересохло. Довела: даже я расплакался.

– Плакса.

– Сама-то...

Мари принесла из холодильника в дальнем углу две бутылки лимонада. Сели на диванчик. Каждый думал о своем.

– Знаешь, я правда не понимаю, почему мой поцелуй на тебя не действует.

– А как должен?

Она огляделась, встала и подошла к верстаку. Там в горшочке стояла орхидея.

– Смотри.

Мари легко коснулась цветка губами. Через несколько секунд орхидея рассыпалась в прах.

– У цветов жизни немного. Поцелуй суккуба забирает ее у всего живого. Тебе как минимум должно было стать дурно.

– Я ничего не чувствую.

– По легендам, такой поцелуй выдерживают только суккубы, высшие демоны, Бог и драконы. Человек нет.

– Может, я особенный.

– Я не чую в тебе крови ни одного из них. Ты по запаху

простой человек. Совершенно простой.

– Стоит ли об этом думать, если нам обоим хорошо? Иди сюда. Я хочу знать о тебе больше.

Она села и прижалась к нему.

– Что тебе интересно?

– Твое пламя. Почему оно темно-фиолетовое?

– Огнем владеют немногие демоны. Считается, что только сильные духом. У большинства он обычный, желтый или красный. Самое сильное пламя у Сатаны, Люцифера Денницы. Синее. Оно сжигает что угодно, даже душу.

– А твое?

– Не знаю. В аду я была только младенцем и ничего не помню. Знаю, что я там изгой и что мое пламя считают слабейшим. В бою я его не пробовала.

– Думаю, это не так. Оно великолепное. Как и ты.

– Только с виду.

Они проговорили еще час. Аслану было интересно все. Мари рассказывала про свой мир неохотно, но рассказывала. Потом разговор свернул на ее увлечения, и выяснилось, что она поет.

– Ты умеешь петь?

– Немного.

– Споешь?

– Нет. Не хочу позориться.

– Пожалуйста.

Упрашивать пришлось недолго. Со шкафа возле дивана

Мари достала хорошо спрятанную скрипку, встала напротив и подтянула струны.

– Тогда сделаем зрелищнее.

Она провела рукой над полом. Из темно-фиолетового огня встали две фигурки, похожие на маленьких людей: мужчина и женщина. Мари заиграла мотив, которого Аслан никогда не слышал, и запела:

Мы отчалим в ночи
От родных берегов.
Не зови, не кричи –
Там не слышно шагов.
Там ни дна, ни земли,
Только звезды вдали
И холодная тишь
Там, где ты не спешишь.
Вниз, вниз, в глубину,
Где не светят огни.
Я тебя не верну,
Ты меня не храни.
Если выпадет мне
Первым в бездну шагнуть,
Не ищи в глубине,
Не зови меня в путь.
Я оставлю свой след
Там, где времени нет,
И однажды – иным –
Возвращусь, но твоим.

Вниз, вниз, в глубину,
Где не светят огни.
Я тебя не верну,
Ты меня отпусти.
А когда я сгорю
До последней золы,
Ты подаришь зарю
Посреди этой мглы.
Вниз, вниз, в глубину,
Где не светят огни.
Я дождусь – и верну.
Только ты догони.

Пока она пела, огненные человечки сражались. Мечи, выпады, прыжки, падения, вспышки. Каждое движение попадало в музыку. Когда смолкла последняя нота, Аслан встал и захлопал.

- Это было... Я такого не видел!
- Спасибо, – сказала Мари в пол.
- А фигурки? Они же как живые!
- Это из детства. Когда мне было особенно одиноко, я лепила их из огня и играла с ними. Надеялась, что однажды они оживут и станут мне друзьями.
- Мир обошелся с тобой жестоко.
- Мир не виноват. Люди боятся того, чего не понимают. Демонический ребенок не умеет прятать свою ауру, и рядом с ним всем живым не по себе. А уж показать настоящий об-

лик... Странно, но даже те, кто искренне верит в Бога, не готовы принять, что есть и демоны.

– Другой бы на твоём месте затаил обиду на весь свет.

– За что? За то, что люди боятся за свою жизнь? Я ещё маленькой поняла, что им безопаснее подальше от меня. И стала для всех заносчивой и надменной. Одиночество я по большей части выбрала сама. И шла бы так дальше. Но однажды какой-то паренек споткнулся о мою ногу и растянулся прямо передо мной. Я, признаюсь, тогда разозлилась. А он не испугался, улыбнулся, извинился, решил познакомиться, да ещё комплиментами осыпал.

– Да я ничего такого не сказал. Только про глаза что-то ляпнул.

– Мне до тебя и такого никто не говорил.

Ночью они поехали кататься: Мари за рулем, Аслан сзади. Вернулись под утро. В гостиной он рухнул на диван, притянул Мари к себе и стал рассказывать, какие у неё крутые мотоциклы. На середине фразы уснул.

Мари не знала, как быть. Уйти к себе? Остаться? И есть ли смысл ложиться, если демону сон не нужен? Она подумала и прижалась к его груди. Сердце у него билось ровно и спокойно. Под этот стук она уснула.

Проснулись они от смеха. В нескольких метрах стояли Александр и Розалин и с умилением на них смотрели. Мари подскочила и толкнула Аслана.

– Мари, чего ты толкаешься? – пробормотал он, при-

открыл глаза, увидел ее родителей и оказался на ногах. – Мадам Розалин! Александр Владимирович! Вы вернулись? Простите, мы катались на мотоцикле и уснули от усталости. Уверяю вас, все было в рамках приличия, ничего не было!

– Аслан... – прошипела Мари и пнула его.

Родители засмеялись еще громче.

– Ей-богу, неужели и мы были такими? Да мы все понимаем, не волнуйтесь. Вы, наверное, и не завтракали?

– Еще нет, – еле слышно сказала Мари.

– Аслан, поможешь мне с завтраком? – спросила Розалин.

– Мама, может, лучше я?

– Нет. Хочу нагрузить Аслана тяжестями. А ты накрой в столовой.

На кухне Аслан что-то приносил, что-то резал. Розалин мыла фрукты.

– Аслан, насколько серьезны твои намерения?

Он остановился. На плите шкворчало масло.

– Не могу сказать, к чему мы придем. Но намерения серьезные. Мне нравится ваша дочь. У нее сильный характер и хорошее чувство юмора, и она очень красивая. Я хотел бы видеть ее своей женой. А как она отнесется к моим мечтам, зависит от нее.

– Ты должен знать, что с ней будет трудно. Она... как бы сказать... Она не совсем простой человек.

– А еще на треть вампир и на треть демон. Я знаю. Она вчера рассказала.

У Розалин подкосились ноги. Яблоко выскользнуло из рук и запрыгало по раковине.

– Вам нехорошо? Стул? Воды?

– Нет, спасибо. – Она смотрела на него во все глаза. – И ты так просто об этом говоришь?

– Если честно, до вчерашнего дня я в такое не очень верил. Но почему бы и нет? Мне неважно, кто она по происхождению. Мне важна ее душа. А душа у нее чище, чем у любого человека. И все во мне кричит, что я не должен ее упустить.

– Ты точно человек? Любой другой убежал бы без оглядки. И должна тебя огорчить: у демонов нет душ.

– А как же ваш муж?

– Это другое. Он не знает.

– Но он...

– Речь не о нас. Я боюсь за дочь. Ей и так досталось: изгой среди своих, одна среди чужих. Суккубов в аду с рождения учат отрицать любовь. Так легче убивать. Настоящую силу суккуб получает, только когда полюбит, и случается это очень редко. Но мы порождения тьмы. То, что делает нас сильными, нас же и губит. Суккуб, который полюбил и не тронул любимого, начинает жечь собственную жизнь. Он теряет бессмертие и умирает, когда она выгорит до капли. Сжечь себя или его. Вот и весь выбор.

– Значит, вы...

– Да. Я давно не бессмертна. И не знаю, когда умру. Обыч-

ный демон после смерти перерождается в аду, проходит семь кругов и получает новое тело. Суккуб, который себя сжег, не перерождается. Можно сказать, мы платим душой за право любить. Я демон высшего ранга, жизни во мне много, так что на человеческий век с мужем мне, надеюсь, хватит.

– А потом?

– А потом небытие. Не волнуйся, это мой выбор. Мне не страшно. Я проживу, может быть, столетия. А моя дочь проживет меньше сотни лет. Поэтому мне важно, чтобы она провела эту короткую жизнь с тем, кто будет ценить ее жертву.

– Неужели нет другого выхода?

– Может, и есть. Никто не искал.

– Даже Бог? Если существуете вы, значит, существует и Он.

– Возможно, Он знает. Но с чего бы Ему помогать нам, падшим? Ты не знаешь, какая сила воли нужна, чтобы каждый день удерживать в себе то, ради чего нас создали.

Аслан долго молчал.

– Я найду способ. Обещаю. А не справлюсь сам, найду, как достучаться до Бога, и вымолю для Мари нормальную человеческую жизнь. Я верю, что Он видит ее сердце.

Розалин улыбнулась. Потом быстро отвернулась к раковине и вытерла глаза.

– Верь во что хочешь. Главное, прошу, цени ее жертву.

* * *

Утро понедельника Аслан обычно ненавидел. Но сегодня

он проснулся раньше будильника, бодрый и довольный. Он хотел прийти пораньше и увидеть Мари.

По дороге забежал в кофейню. Стаканчики там были с картинками из мультфильмов и сериалов, и к своему капучино он взял второй, с «Крайним космосом», любимым мультсериалом Мари.

В приемную он входил с сердцем первоклассника. Постарался сделать спокойное лицо и поставил кофе ей на стол.

Мари заметила его не сразу. Она смотрела в монитор и думала явно не о работе. Увидела стаканчик, улыбнулась.

– Какой ты внимательный. Спасибо.

– Мне кажется или ты грустная?

– Не обращай внимания. Задумалась.

– Ладно, не буду навязываться. Если что, звони.

Он ушел. Мари еще долго сидела над стаканчиком и не услышала, как пришел начальник и стал что-то ей рассказывать. Очнулась, когда он тронул ее за плечо.

– Мари, ты вообще меня слышишь?

– Ой, вы уже пришли? Простите.

– Я стою, рассказываю, как прошло совещание. Твоя речь всем понравилась. Многие захотели с тобой познакомиться. Мари?

– Да. Всем понравилась речь.

Он постоял и сел в соседнее кресло.

– Слушай. Ты знаешь, что я отношусь к тебе как к дочери. Я вижу, что тебя что-то гложет. Помощь нужна?

– Нет, спасибо. Мне просто нужно принять одно решение.

– Настолько важное?

По ее щеке скатилась слеза. Мари быстро вытерла ее и отвернулась к монитору.

– Так. Все ясно. Тогда не сиди тут. У каждого есть место, где думается лучше, чем на работе. Иди туда. Хоть на неделю, я закрою глаза. Главное, реши.

– Спасибо. У вас на столе стопка бумаг на визу.

– Разберусь.

Он пошел к своему кабинету.

– Скажите... Вот если бы вы очень хотели что-то сделать, но знали, что это навредит другому. А другой не против. Даже согласен. Вы бы сделали?

Он остановился.

– Умеешь ты загнать в тупик. Зависит от вреда. Если большой, не стал бы. Если небольшой и все согласны, то почему нет?

– Ясно. Спасибо.

Она взяла кофе и вышла из приемной.

Через несколько часов Аслану пришло сообщение: «Прости. Ты хороший парень, но между нами ничего не может быть. Все, что было на выходных, – ошибка. Прошу, забудь меня».

Ему стало холодно. Не снаружи, а где-то под ребрами, как будто туда вогнали ледяной осколок. Руки сделались ватными. Он не понимал, что могло случиться за одну ночь. Смог

только набрать: «Ты где?»

«Не ищи встреч. Это ничего не изменит».

Он вскочил и побежал в приемную. Там сидел один начальник.

– Простите, мне очень нужна Мари.

– Ее сегодня не будет. Возможно, и завтра. Что-то срочное? Могу помочь.

– Нет, спасибо. Это личное.

– Постойте. Не хочу лезть, но она была сегодня очень подавлена. Мне кажется, ваш вопрос с этим связан. Может, не стоит ее сейчас тревожить?

– Простите. Это тот случай, когда стоит.

Он выбежал на улицу. У входа ее не было. Аслан сел на ступени и стал думать, где она может быть. Потом подскочил.

– Какой же я debil!

Он взлетел по винтовой лестнице и распахнул стеклянную дверь. Мари сидела на скамье, поджав колени, и тихо плакала.

– Как тебя понимать?

– Прошу, уйди. Я не готова ничего объяснять. Уйди и забудь.

– Не уйду. Вчера все было хорошо. Я думал, что нашел человека, который меня понимает. Что полюбил раз и навсегда. И ты ответила. А сегодня пишешь, что это ошибка? Нет уж. Я имею право знать почему.

– Не надо. – Она заплакала сильнее. – Я думала об этом

всю ночь. Не заставляй возвращаться.

– Ответь мне. Ты меня любишь? Если да, то что это за фарс?

– Ты не поймешь. Ты человек. Ты слишком правильный. Уйди.

– Ответь честно, и я уйду.

– Что я должна ответить?! – Она кричала, не поднимая на него глаз. – Ты знаешь, кто я! Я создана убивать и наказывать! Ты хочешь от меня любви? Я люблю тебя. И что это нам даст? Не знаю когда, но я могу тебя убить. Этого мало? Лучше ты будешь жить и ненавидеть меня, чем любить и лежать в гробу. Уйди. У меня впереди еще много таких ночей. Не мучай меня.

Аслан сел неподалеку.

– Дура, – сказал он тихо.

Она плакала. Он подождал.

– Помнишь клятву?

– Да.

– Она еще действует?

– Да. Разорвать ее можешь только ты. Я была бы рада, если бы ты это сделал.

– Никогда. Даже не думай. А теперь я хочу... нет. Я приказываю тебе поцеловать меня.

Он улыбался. Мари вскинула голову.

– Нет! Не делай этого! Ты можешь умереть!

– Каждый сам выбирает, как ему жить и как умереть. Эта

неделя перевернула мне всю жизнь. Если тебя в ней больше не будет, зачем она мне? Лучше я умру от поцелуя любимой девушки, чем буду дальше влачить свое жалкое существование.

– Не хочу! Не надо!

По ее рукам, по шее побежали трещины. Из них выбивался огонь, темно-фиолетовый, местами почти черный. Ей было больно, она умоляла. Он не слушал. Подвинулся, взял ее лицо в ладонь, притянул и поцеловал.

Пламя погасло сразу. Мари перестала сопротивляться. Все, о чем она думала ночью, куда-то ушло, и стало легко и спокойно, как не бывало никогда. Через минуту она очнулась и в ужасе оттолкнула его.

Аслан сидел как ни в чем не бывало и смотрел на нее влюбленными глазами.

Мари отползла на самый край скамьи.

– Ты дурак! Ты забыл, кто я? Ты мог умереть! Еще неизвестно, что я с тобой сделала! Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. Я только что тебя поцеловал. Видишь, ничего не случилось. Здоров, бодр и полон сил. Как и в прошлые разы.

Она молча смотрела на него.

– Я не понимаю!

– Почему я жив?

– Да! Ты целовал меня целую минуту. Тебе должно быть плохо. Ты должен быть одурманен и нести бред. Я же суккуб!

А ты сидишь довольный, как напыщенный фазан!

— Еще бы. Я же добился своего. Видимо, я просто отбитый на всю голову.

— Я не понимаю...

— Смотри!

Она не успела ничего сделать. Он поцеловал ее снова, а потом обнял за талию и одним движением усадил к себе на колени. Мари опомнилась, вывернулась, сказала «неисправимый дурак» и уперлась лбом ему в плечо.

— Я не понимаю.

— Я тоже. А разве это важно? Если мы любим друг друга, почему мы должны бояться от этого сгореть?

— Но я демон.

— А я человек. И еще неизвестно, кто из нас хуже.

— Аслан...

Она прижалась к нему и заплакала.

— И о чем ты плачешь на этот раз?

— Я люблю тебя.

— Тогда, может, поцелуешь меня еще?

— Хватит! Ты и так забрал сегодня два поцелуя.

— А я хочу еще.

— Я боюсь.

— Хватит бояться. Мне все равно, демон ты или нет. Убьешь ты меня или нет. Просто позволь мне тебя любить. Нет, не так. Позволь себе любить меня.

Мари подняла голову, посмотрела на него и поцеловала.

Сама.

Сколько это длилось, они не знали. Потом у Аслана зазвонил телефон.

– Прости, надо ответить.

– Кто это?

– Тоша, кажется. Да, Тоша.

Мари так и сидела у него на коленях. Она обнаружила, что он боится щекотки, и стала покусывать его за шею.

– Прекрати, – прошипел Аслан мимо трубки.

– Не-а.

– Тоша, повтори, я не услышал. А-а, соглашения? В правом ящике, сверху. Да, сейчас буду. Пару минут. – Он нажал отбой. – Ты что делаешь?

– Не знаю. Захотелось помешать. Ничего умнее, чем тебя покусать, в голову не пришло. – Она смеялась. – А тебе что, так щекотно?

И укусила еще раз.

– Хватит, говорю! Мне бежать надо, заждались.

– Не хочу тебя отпускать. Но если надо, иди.

– Спасибо, что разрешила. Только, может, слезешь? Ты, конечно, легкая, но ходить по министерству с тобой на руках не очень удобно.

– Ой! – Мари вскочила, красная. – Вообще-то ты сам меня так посадил!

– Так я и не против! Просто идти надо.

– Иди уже. Мне тоже пора работать.

Остаток дня оказался на удивление легким. Мари то звонила, то писала: проверяла, жив ли он. Вечером они вместе поужинали, и Аслан проводил ее до дома.

После горячей ванны Мари легла спать. Демонам сон не нужен, тем более таким, как она. Но спать она любила. Ей нравилось видеть сны, как видят их люди.

Она надеялась, что ей приснится Аслан. У судьбы были другие планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.